

Не держи улыбку

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Щигорцов Данила

18+

Щигорцов Данила
Не держи улыбку

«Автор»

2026

Данила Щ. В.

Не держи улыбку / Щ. В. Данила — «Автор», 2026

«Не держи улыбку» — это не книга о спасении. Это исповедь того, кто улыбался, когда внутри всё горело. Кто терял друзей, предавал себя и любил ту, которую не смог уберечь. История о том, что счастье не кричит, а тишина бывает разной: живой — и мёртвой. И о том, что даже когда ты остаёшься один, твоя тень всё ещё с тобой. Навсегда.

© Данила Щ. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Дисклеймер	5
Глава 1 4:08	6
Глава 2 Свобода или пустота?	9
Глава 3 Шаг в неизвестность	11
Глава 4 Автобус до «дна»	13
Глава 5 Территория режима	15
Глава 6 Ночная вылазка за свободой	17
Глава 7 Механизм дня	19
Глава 8 Блестящие глаза	22
Глава 9 Химический полёт	25
Глава 10 Искупление морем	28
Глава 11 Розы и джин	31
Глава 12 Рыцарь печального образа	34
Глава 13 Первый дым над пропастью	37
Глава 14 Стук в тишине	40
Глава 15 Точка невозврата	43
Глава 16 Тень на кухне	46
Глава 17 Возвращение в тёплую комнату	49
Глава 18 Откровение под стопку	52
Глава 19 Его улыбка на берегу	55
Глава 20 Праздник для двоих	58
Гла	61
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Не держи улыбку

Дисклеймер

Данное литературное произведение предназначено для читателей старше 18 лет (18+). Книга содержит сцены употребления психоактивных веществ, нецензурную лексику, описание суицидальных настроений и откровенные сцены сексуального характера.

Автор категорически осуждает употребление наркотических средств и психотропных веществ. Все сцены, связанные с их употреблением, имеют целью показать исключительно разрушительные последствия для личности, здоровья и судьбы человека, а также трагедию близких. Произведение не является пропагандой наркотиков или инструкцией к действию, а представляет собой художественное осмысление реальных событий, демонстрирующее опасность зависимости.

Если вы или ваши знакомые столкнулись с проблемой зависимости, не оставайтесь в одиночестве — обратитесь за помощью к специалистам.

Все сходства с настоящими людьми лишь случайны, и являются лишь совпадениями. Данное произведение является художественным вымыслом автора.

Глава 1 | 4:08

Я открываю глаза, на часах 4:08. Я жив ещё?

Нет.

Или да.

Сон сбит, график сна — тоже. Вся моя жизнь превращается в постоянный, однотипный сон. Я несколько лет снова и снова делаю одни и те же вещи. И лишь отсутствие грани между сном и реальностью делает эти годы одним днём, который никогда не закончится.

Ты берёшь свой телефон и начинаешь листать ленты, отвечать друзьям в мессенджере, читать новости. И это зависимость. Как алкоголь, табак или наркотики. Только зависимость от табака не так страшна, как зависимость от гаджетов. Это главная проблема современного мира: люди перестали смотреть на мир своими глазами, лишь используя объективы своих смартфонов.

Чёрт, но я такой же, как и они. Мы все одинаковые, и это уже не зависит от поколения. Ещё пять лет назад не было такой серьёзной проблемы. Раньше зависание в гаджетах замечали только у детей, подростков и у малой доли процента взрослых. Но прогресс не остановить.

В какой момент человечество скакнуло от компьютера размером с целую квартиру в новостройке — к карманному телефону, который порой не больше спичечного коробка?

Ноги замёрзли, я снова проснулся. Но не из-за холода, а из-за судороги, которая схватила мою левую голень. Ощущение, будто в неё, во время сокращения, воткнули иглы, когда мышца сжималась. Я подорвался с кровати и вслепую нащупал свой портфель — он лежал недалеко от кровати. Снял с него подаренный значок и уколол иголкой в голень.

Всё прошло.

Я с полной лёгкостью в груди выдохнул, после чего взял телефон, чтобы посмотреть время. На часах было 6:40. Через двадцать минут снова встать и на смену.

За несколько лет работы в заведении на должности повара появился ряд очень критических моментов. В первую очередь — больная спина, из-за чего в моменте я превращаюсь в каменную статую. Проблема с поджелудочной и ежедневные судороги ночью. Организм начал давать сбои — первый признак переработки.

Полежав на кровати ещё минут пятнадцать, я встал и направился в ванную. Параллельно негромко произнёс:

— Алиса! Включи мои треки.

— Уже включаю, — ответил голосовой помощник в умной колонке.

По комнате начали раздаваться негромкие звуки, напоминающие синтезатор, после началась приглушённая бочка и хай-хэт.

Я спокойно принял душ, после чего вышел и начал завтракать.

Каждый день начинается одинаково, выходной или нет. Сегодня на смену. Вчера я собрался с силами и уже решил, что буду увольняться.

Работа в общепите — это не сказка, о которой думают маленькие дети. Что ты постоянно ешь вкусненькое и мало работаешь. Наоборот: еда, которую ты ешь как гость, кажется более привлекательной, чем когда ешь её на кухне. Она начинает тошнить, и ты уже перестаёшь пробовать то, что сделал. Еда теряет вкус, так же как теряется смысл в жизни.

Ты встаёшь у плиты в девять, уходишь через тринадцать-четырнадцать часов домой. И так каждый грёбаный день. Порой кажется, что ты даже не выходишь с этой грёбаной работы. Люди на ней становятся куда ближе, даже если ты так не считаешь. Ведь ты проводишь с ними куда больше времени, чем с близкими или семьёй. И порой можно сказать, что это твоя вторая семья.

**Семья уродов.
Неблагополучная.
Неполноценная.**

Можно я просто уйду? Я устал...

— Шеф!

— Да, чего хочешь?

Послать тебя нахуй.

— Мне нужно с вами поговорить.

— Ну говори, кто тебя держит.

— Наедине.

— Хорошо, давай пройдем в кабинет.

Я положил свой нож на стол, после чего, ополоснув руки, пошёл за ним. Подойдя к стеллажу, взял лист А4, на котором было заявление на увольнение.

Это был мужчина лет под сорок-пятьдесят. Его размеры были очень крупные: на вид он весил все полтонны. И казалось, чуть сильнее наступив на пол, он может провалиться под него.

— Что хотел?

Я бросил лист ему на стол, после тихо произнёс:

— Дорабатываю две недели и ухожу.

Он взял лист в руки и, пробежавшись по нему взглядом, посмотрел на меня.

— Можешь уходить хоть сейчас.

Реально?

Я щас реально же уйду.

— То есть я могу уходить?

— Я же сказал: «...хоть сейчас».

Я снял фартук, после чего бросил его перед ним. И выходя из кабинета, со всего маха закрыл дверь. Казалось, всё заведение услышало, что я ушёл.

Три ножа, форма и грязное полотенце. Это всё, что я вытащил из своего портфеля. Всё это было разложено передо мной на столе. Я собрал всё в кучу и сбросил в мусорку.

Чёрт, скучно я ходил на работу.

Я вытащил ножи из мусорки.

Они-то хорошие.

Я вышел с кухни и, зайдя в свою комнату, лёг на кровать.

Чёрт, я по-настоящему никогда не находился свободным. Что дальше?

В телефоне, оказывается, кроме работы ничего не было. Из всех сообщений личные писали лишь три человека.

Ты никому не нужен.

Как так?

Вот так, у тебя не было личной жизни.

И правда.

Найдя свою шкатулку, куда я откладывал деньги, я решил глянуть, что имею.

Сколько? Двести сорок тысяч рублей? Откуда?

Я же ничего себе не покупал, я большую часть времени жил в одном и том же. Технику не обновлял. Моя жизнь как день сурка. **ОДИНАКОВАЯ.**

Сидя за компьютером, я стал прикидывать, что можно купить.

Машину?

У меня так и нет водительского удостоверения.

А оно нужно?

Порой лучше пускай будет.

Может, тогда мотоцикл?

Я хочу быть нормальным, а не инвалидом.

Ну можно не спортивный, а питбайк.

Прикольная идея.

Можно исполнить детскую мечту.

Какую из?

Ну там приставка портативная, приставка, чтобы на телике играть, и VR-очки.

Оно мне вообще надо?

Почемубынет?

Глава 2 | Свобода или пустота?

Прошло около двух недель, как я уволился из заведения. Я безработный и счастливый? Что такое вообще счастье?

Я счастливый?

Я купил себе приставки и очки, и все вышло в районе пятидесяти тысяч рублей. Также я договорился о покупке питбайка, чтобы кататься.

Задумавшись, понимаю: свободы у меня как таковой не было. Я раб системы. Системы потребления. Всю свою жизнь я работал и учился, никаких гулянок и вписок. Я был замурован за своей невидимой стеной, которая закрыла для меня все пережитки подросткового счастья. За свои двадцать пять лет, ни разу не перепивал и ничего не пробовал. Я словно эмоциональный девственник.

Нужно это будет исправлять.

Последние время у меня не было подруги.

Волк-одиночка.

В какой-то степени это правда. Может, вот что пытается мне подсказать мое сердце.

Скинув свой шлем на пол, начал снимать защиту. На улице апрель, но погода словно середина лета. Весь мокрый я снял всю экипировку. После чего открыв холодильник вытащил оттуда бутылку холодного тёмного эля. Затем пройдя в свою комнату лёг на диван, включил телевизор и XBOX и запустил игру. Вот вся моя свобода.

Прошло полтора месяца как я уволился, а такая жизнь словно губит меня. Я полностью закрылся в себе. Пару раз в день я могу написать близкому другу — и всё. День за днём.

Может, пойти на подработку?

Зачем?

Ты так сойдёшь с ума.

А разве я не сошёл ещё на работе.

Тоже верно.

22:31. Раздался звонок.

- Алло...

- Привет, спишь?

Слегка приподнимая слипшееся лицо с подушки, пытаюсь выдавить из себя.

- Нет... нет... Только пришёл домой.

- Ты щас вообще работаешь? Такой вот вопрос...

- Вообще нет.

- Не хочешь уехать в командировку?

Данные слова разбудили мой уже уснувший мозг.

- Хм....

- Смотри, если интересно, я завтра могу с утра подъехать, рассказать.

- Ну давай, я где-то в десять буду уже свободен.

Ты только встанешь же.

- Хорошо, тогда до завтра.

Повесив трубку, я дальше отключился.

Входная дверь открылась, в дом вошёл Святослав. После чего, увидев меня, протянул руку.

- Здравова.

- Доброе.

Этого парня я знал уже несколько лет, мы вместе работали в одном заведении. Худощавый парень, чуть выше меня на полголовы. Постоянно суетился, **словно у него СДВГ**.

Я провел его в зал — там уже было убрано, в отличии от всего остального дома.

- Так что за работа?

- Я знал, что тебя заинтересует. В общем, слушай. В одной санатории требуется персонал, там очень много человек. Как мне известно, туда собирают разный сброд, вообще все сорта людей. И в общем, нужны повара и официанты. А так как я тоже с недавнего времени не работаю, мне стало интересно. Но я решил, что лучше будет, если туда ехать с кем-то.

- А сколько продолжительность работы?

- Ну там говорят, полгода, но они предоставляют всё питание и жильё в общежитии. В общем, говорят, комфортно, и еще буквально у моря. Минут десять-пятнадцать от него. Так что, заинтересовал?

Ну блин, мне там можно оторваться.

- Вообще интересное предложение. А что вообще надо?

- Кароче, справка из наркологии, и форма рабочая.

- А выезд туда когда?

- Мы выезжаем туда в мае, если ты к этому времени успеешь.

- Ну, я думаю, справку получить много времени не потребует.

- Если ты согласен, то тогда я заеду за тобой 30 апреля.

Через полторы недели! И можно оторваться!

Глава 3 | Шаг в неизвестность

Прошло два дня после звонка Свята. Два дня внутренней карусели, где каждая мысль билась о следующую, как мячик в пинболе.

А правильно ли это?

Уехать на полгода. В неизвестность. К морю, которое я видел только на экране. Работать снова на кухне, но уже не в своём городе, не в своей привычной клетке. Это побег или просто смена декораций?

А что будет с квартирой?

С питбайком, который только начал заводиться с полтычка? С этими коробками от приставок, которые так и стоят нераспакованными в углу?

А если не получится?

Если окажется, что море — не свобода, а просто огромная лужа, а санаторий — та же кухня, только с открытыми окнами? Если я снова попаду в тот же цикл, но уже без возможности вернуться и упасть на свой диван?

Мысли ходили по кругу, не давая заснуть. Я вставал среди ночи, заваривал чай и смотрел в темное окно, где отражалось моё бледное лицо — лицо человека, который боится сделать шаг, потому что слишком долго стоял на месте.

Но к утру второго дня пришло не озарение, а тихая, уставшая ясность. Я понял, что все эти вопросы — не про то, «правильно» или нет. Они про страх. Про привычку к бетонным стенам, к графику, к боли, которая хотя бы знакома. А неизвестность пугает больше, чем ад.

Я взял телефон. Набрал Свята. Он ответил сразу, как будто ждал.

— Я еду, — сказал я просто. Без объяснений. Без долгих вступлений.

— Чёрт, здорово! — в его голосе прорвалось облегчение, и я понял, что он тоже сомневался, один ли поедет. — Тогда слушай, что нужно сделать...

Список оказался короче, чем я думал: медицинская книжка, справка из наркологии, паспорт, тёплая одежда, так как на дворе поздняя весна, — а также рабочая форма. Всё. Остальное, сказал он, приложится.

Следующие дни растворились в беготне по кабинетам, очередям, штампам. Я проходил врачей, сдавал анализы, слушал однотипные вопросы и давал однотипные ответы. Это было похоже на ритуал очищения перед прыжком. Каждая печать в медкнижке будто стирала с меня слой старой жизни.

И вот, утром 30-го апреля, я стою на пустынной площадке у старого центра реабилитаций. Ветер гоняет по асфальту пакеты и пыль. Солнце ещё не поднялось высоко, воздух холодный, пахнет бензином и влажным бетоном.

Автобус уже тут — большой, потрёпанный, с потускневшей надписью «***» на боку. Вокруг него кучкуются люди. Разные. Молодые, совсем еще юные, тихие и громкие, с огромными сумками и маленькими рюкзаками. Лица незнакомые, закрытые усталостью или ранним подъёмом. Каждый погружён в своё ожидание, в свою историю, которая привела его сюда.

Я прислоняю свой рюкзак к колесу и оглядываюсь. И вот тогда вижу его.

Святослав стоит чуть поодаль, курит, уставившись куда-то в дальний угол площадки. Он как всегда — в потрёпанной куртке, худой, чуть сгорбленный, будто постоянно от чего-то уворачивается. Он ещё не заметил меня.

И в этот момент что-то внутри сжимается и одновременно отпускает. Я не один здесь. Среди этой толпы чужих лиц есть одно знакомое. Одно связующее звено с той жизнью, которую я оставляю позади. Оно же — якорь, который не даёт окончательно сорваться в полную неизвестность.

Он поворачивает голову, ловит мой взгляд. Его лицо растягивается в узнаваемой, немного кривой улыбке. Он кивает мне, поднимая руку с сигаретой в своеобразном приветствии.

Я делаю шаг в его сторону. Навстречу новой главе, которая начинается прямо сейчас, на этом продуваемом всеми ветрами пустыре, под рёв заводимого автобусного двигателя.

Глава 4 | Автобус до «дна»

Будет интересно...

Я подошел к Святу. Он хлопнул меня по плечу, дым от его сигареты ударил в нос резкой, дешёвой смесью.

— Держись, братан, — сказал он, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на азарт. — Компания у нас подобралась специфическая. Смотри сам.

Он кивнул в сторону группки людей.

— Вон, видишь двух? Высокий, как жердь, и тот, что в чёрной шапке, и красных таких очках?

Я увидел. Один парень действительно был невероятно высок, под два метра, сутулился, будто стесняясь своего роста. Рядом с ним — коренастый, с аккуратной бородкой и спокойным, внимательным взглядом.

— Это Миша и Артур. Они ровные парни. Миша — тихий гигант, Артур ну, мусульманин, не пьёт, не курит. С ними можно будет потусить.

Ну надемся.

Потом его взгляд скользнул к двум девушкам, которые что-то оживлённо обсуждали, переминаясь с ноги на ногу. Одна — , с открытой улыбкой и ямочками на щеках, в красной пайте, поверх которой была легкая куртка. Другая — постройнее, с темно-русыми, аккуратно собранными волосами и пронзительным, будто сканирующим взглядом. Она также куталась в тонкую куртку, хотя на улице было холодно.

— Маша и Ксюша, — понизил голос Свят. — С Машкой я немного знаком, она вроде адекватная. А вот её подруга — он сделал многозначительную паузу. — Ксюха, говорят, свободная. Очень свободная. Вредные привычки имеет серьёзные. Держи ухо остро, если потянет на контакт.

Прозвучала резкая, сипящая команда через мегафон. Все начали грузиться в автобус. Давка, сумки, приглушённое бормотание. Мы с Святом втиснулись на соседние сиденья где-то в середине салона. Воздух сразу стал густым и спёртым — запах поношенной одежды, дешёвого табака и чего-то ещё, терпкого и травянистого.

Тревожность.

Автобус тронулся. Город начал медленно проплывать за окном, уступая место сначала спальным районам, потом промзоне, а затем и вовсе голым, серым полям. Я смотрел в окно, но видел скорее отражение салона. Лица. Много лиц. У некоторых был пустой, отсутствующий взгляд, устремлённый в никуда. У других — лихорадочный, беспокойный блеск в глазах. Кто-то уже на второй минуте пути достал из кармана трясущимися руками сигарету, но, вспомнив запрет, лишь нервно покрутил её в пальцах.

Я начал понимать, о чём говорил Свят. «Специфическая компания». По обрывкам разговоров, по интонациям, по тому, как некоторые люди беспокойно ёрзали, как будто их кожа чесалась изнутри, складывалась неприятная картина. Здесь было много тех, кто бежал не столько к морю, сколько от чего-то. От долгов, от полиции, от ломки, от себя самих. Место, куда мы ехали, судя по всему, было тем самым «дно», куда можно было спрятаться, когда уже некуда больше деться.

Примерно через пару часов пути автобус свернул на какую-то закрытую территорию, отгороженную высоким забором с колючей проволокой. Ворота открылись, мы заехали на охраняемую стоянку. Вышел сурового вида мужчина в форме, не охранник, а скорее администратор или начальник смены.

— Внимание всем! — его голос не терпел возражений. — Вы прибыли на объект режимного типа. Здесь действуют строгие правила. Первое: вся личная электронная техника — телефоны, планшеты, ноутбуки, плееры — сдаётся на хранение на время вашего пребывания. Связь с внешним миром будет ограничена, предусмотрены общие телефоны в определённые часы. Контрабанда техники — немедленное отчисление и последствия.

По салону пронёсся гул недовольства, смешанный с откровенным ужасом на некоторых лицах. Для кого-то отобрать телефон — всё равно что отрезать кислород. Для меня было странно ощущать лёгкость. Я уже отвык от постоянного скроллинга. Но понимал, что для многих это — катастрофа.

— Второе, — продолжал мужчина, глядя на нас ледяным взглядом. — На территории категорически запрещены любые психоактивные вещества, спиртное. Проверки будут регулярными и внезапными. Нарушителей ждёт не просто увольнение.

В его паузе повисла вся тяжесть неозвученной угрозы. Я почувствовал, как по спине пробежал холодок. Я-то был «чистым». В моей жизни был лишь один случай в девятнадцать лет, когда я на квартире у друзей выпил столько, что потом два дня провалялся с дикой головной болью и дал себе зарок больше не связываться. Но я видел, как побледнели некоторые в салоне. Как Ксюша, та самая, с волосами, язвительно усмехнулась и отвернулась к окну.

Началась процедура сдачи. Подходили по одному, выкладывали из карманов и сумок устройства в большую пластиковую коробку, получали номерной жетон. Лица были мрачные. Я сдал свой полумёртвый телефон без сожаления.

Когда коробка заполнилась, её унесли. Двери автобуса закрылись. И снова — тишина, теперь уже абсолютная, без даже теоретической возможности отвлечься на экран. Оставалось только смотреть в окно и на лица друг друга.

Автобус снова тронулся, выехал с охраняемой стоянки и покатил по узкой дороге, петляющей между холмов. Воздух за окном постепенно менялся. Появился запах сосны, влажной земли и да, это было оно. Едва уловимая, солёная горчинка на губах. Море.

Мы ехали в тишине, каждый в своей раковине мыслей. Я ловил взгляды: испуганные, усталые, циничные, пустые. Здесь собрались те, кому некуда было деваться. И я был среди них. Не наркоман, не алкоголик. Но человек который считал себя наркоманом, который так устал от своей старой жизни, что готов был променять её на эту — строгую, аскетичную, полную неизвестности.

Свят толкнул меня локтем и тихо, так, чтобы не слышали соседи, прошептал:

— Ну что, брат? Понравился наш дружный коллектив? Готов к приключениям?

Конечно, будет пиздец весело.

Я не ответил. Просто смотрел на приближающуюся линию горизонта, где серое небо сливалось с серой водой. Приключения уже начались. И они пахли не свободой, а дисциплиной, хлоркой и солёным ветром с примесью человеческого отчаяния.

Глава 5 | Территория режима

Автобус упёрся в тупик перед трёхэтажным зданием из желтоватого известняка. Архитектура выдавала в нём советское прошлое: монументальные колонны у входа, длинные балконы с решётками, высокие узкие окна. Когда-то, должно быть, оно выглядело роскошно. Сейчас же постройка 80-х годов напоминала уставшего гиганта. Штукатурка осыпалась местами, балконы прогнулись, а из черепичной крыши кое-где проросла чахлая трава. Надпись у въезда, выложенная потускневшей мозаикой, гласила: «ТОК «Судак»». Для отдыха военнослужащих и трудовых коллективов. Высокопоставленных гостей здесь, видимо, уже не ждали.

Нас, толпу новоприбывших, построили в холле с гигантской потрескавшейся люстрой и фреской, изображавшей крепость возвышающуюся над морем. Воздух пах пылью, старой краской и слабым ароматом хлорки, словно вошли в старую больницу.

Администратор, в этот раз уже женщина, огласила правила внутреннего распорядка, которые сводились к «не шуметь, не нарушать, работать исправно». Потом началась раздача комнат. Система была простой: мужчины — на одном крыле, женщины — на другом. Комнаты на двоих.

Нам со Святом досталась комната номер 315. Соседями оказались Миша и Артур, их поселили в 314. Чуть дальше распределили девушек: Мария и Ксюша — 310, на нашем этаже.

Комната 315 встретила нас военной обстановкой: две железные койки с тонкими матрасами, два шкафчика, стол и стул у окна, с которого, на наше удивление, открывался вид на море. Зато был свой санузел с вечно подкапывающим краном. «Роскошь», — усмехнулся Свят, швырнув сумку на кровать у окна.

Следующие несколько дней прошли в муторной знакомой суете, но уже на новом месте. Нас водили по бесконечным коридорам, показывали служебные помещения, гигантскую кухню, где вечно гремели котлами, и, наконец, банкетные залы, которые нам предстояло обслуживать. Меня определили официантом в главный зал «Шелковый путь». Свят попал туда же. Нашей задачей было обслуживать постояльцев — тех самых «уважаемых и важных» людей, а также военных, приезжавших на реабилитацию или короткий отдых.

Клиентура была специфической. Мужчины с прямыми спинами и оценивающими взглядами, женщины в строгих, дорогих костюмах. Говорили тихо, но весомо. Чувствовалась дистанция, непреодолимая пропасть между теми, кто приехал отдыхать, и теми, кто их обслуживал. Мы были частью интерьера, живой мебелью: должны были появляться вовремя, угадывать желания и растворяться, когда не нужны.

Мы пытались обжиться. Принесли из дома немного личных вещей: я — книгу, которую так и не открыл, Свят — колоду замызганных карт. По вечерам в нашей комнате иногда собирались соседи: тихий великан Миша и спокойный, основательный Артур. Обсуждали работу, ворчали на начальство, делились впечатлениями. Девчонки с нашего этажа иногда заглядывали, обычно это была Маша — она оказалась общительной и весёлой. Ксюша к нам не заходила.

Через неделю Свят принёс новость. Он познакомился с Сашей — девушкой она также работала официанткой, так еще и с нами на смене. Которая, как выяснилось, училась в одном городе с Машей и была поверхностно знакома с Ксюшей.

— Девчонки нас зовут отметить! — залетел в нашу комнату Свят, после чего плюхнулся на кровать, — Пойдем? Только нужен алкоголь.

Идея была рискованной. Всю свою жизнь я был правильным, и старался не нарушать правила. А так как алкоголь на территории находится под строжайшим запретом, это могло плохо кончиться. Но напряжение неделя, давящая атмосфера санатория и желание хоть как-то разорвать этот унылый круг брали своё. Соблазн был сильнее правил.

Поздним вечером, когда смены закончились и администрация разошлась по кабинетам, мы, выскользнули из корпуса. У меня за спиной был пустой рюкзак. В кармане — документы и немного денег из оставшейся из отложенной суммы.

Двор погрузился в темноту, нарушаемую лишь фонарями. Мы пробирались вдоль стен, прижимаясь к теням. Запах сосны и моря смешивался с запахом ржавчины от старого забора. Вот и он — участок забора. Колючая проволока сверху обвисала, одна из секций забора была слегка отогнута, будто ею уже пользовались.

Видимо любимое местечко для побегов.

Свят огляделся, после чего кивнул. Я подал ему рюкзак, он перекинул его через забор. После, цепляясь за сетку рабицу, перекатился на другую сторону, мягко приземлившись на землю. Я последовал за ним, сердце колотилось где-то в горле, и казалось совсем чуть-чуть и выскочит наружу. Скрип металла под ногами казался оглушительным, он словно разбивался об окружающую нас тишину.

Мы были на свободе. Вернее, по ту сторону забора. Сзади возвышалось тёмное здание санатория, впереди уходила в темноту просёлочная дорога, ведущая к огонькам посёлка. Воздух здесь пах по-другому — не хлоркой, а свободой, пахнувшей пылью, хвоей и риском. Я впервые за долгое время почувствовал, как на самом деле чувствуется свобода.

— Пошли, — прошептал Свят

Глава 6 | Ночная вылазка за свободой

Тишина за забором казалась громче любого шума. Мы стояли, прислушиваясь к ночи, к далёкому шуму прибоя, к шелесту сосен над головой. Воздух был холодным и влажным, но он не давил, как спёртая атмосфера нашей комнаты, или самого санатория. Он был просто воздухом — свободным, без запаха хлорки и тоски.

— Ну что, пошли, — повторил Свят уже громче, не шепотом, и тронулся в сторону слабых огней вдалеке.

Дорога оказалась длиннее, чем казалось с первого взгляда. Асфальт быстро закончился, сменившись грунтовой дорогой, которая петляла между склонами, с поросшими кустарником. По обе стороны тянулись бесконечные лесополосы — ровные шеренги сосен и кипарисов, посаженных когда-то давно. Они стояли как безмолвные стражи в ночи, их стволы, освещённые редкими лунными лучами, напоминали чёрные вертикальные штрихи на сером холсте. Изредка мелькали, одинокие, бетонные столбы линий электропередач.

Мы шли молча, прислушиваясь к собственным шагам. Свят шёл впереди, его силуэт выделялся на фоне дороги. Я чувствовал, как в груди что-то разжимается — тревожный комок, который копился все эти дни. Было странно идти куда-то без цели, кроме одной — нарушить правило. Это было одновременно и глупо, и невероятно важно.

Через пару километров показали первые признаки жизни — неяркий свет в окнах, затем силуэты низких домов под черепичными и шиферными крышами. Посёлок, в который мы вышли, был маленьким и сонным. Одна главная улица, несколько ответвлений, пара магазинов с выцветшими вывесками. Время было за полночь, и почти все окна были тёмными. Только в одном конце улицы горел свет — витрина магазина с табличкой «Продукты 24/7», где «24/7», судя по потёртой краске и полупустым полкам, было скорее лучиком надежды, чем реальности.

Дверь магазина открылась, и прозвенел колокольчик, когда мы вошли. За прилавком сидела пожилая женщина, вяжущая что-то спицами. Она подняла на нас усталые глаза, оценила взглядом — два молодых парня в простой одежде, с рюкзаком, после полуночи — и снова опустила взгляд на вязание, не задавая нам вопросов.

Воздух внутри пах пылью, старым деревом и сладковатым запахом дешёвого чая. Мы прошли по узкому проходу между стеллажами с консервами и крупами к дальней стене, где за решёткой стояли бутылки. Ассортимент был небогатым, но для нас этого хватало. Мы выбрали несколько бутылок крепкого алкоголя — без долгих обсуждений, просто взяли то, что казалось самым надёжным способом забыться. Стеклянная бутылка с прозрачной жидкостью, ещё одна потемнее, с деревянной пробкой. Этого должно было хватить на небольшую компанию.

Женщина на кассе молча пробила покупку, приняла деньги, сдачу отсчитала медленно, будто давая нам время передумать. Мы сложили бутылки в мой рюкзак, стараясь, чтобы они не звенели. После быстро покинули магазин. Мы снова оказались на безжизненной улице.

Обратная дорога казалась короче. Может, потому что рюкзак за спиной стал тяжелее, физически напоминая о нашем маленьком бунте. А может, потому что ночь стала ещё темнее, и только наши шаги нарушали тишину. Склонялись те же столбы, шумели те же лесополосы. Запах свободы теперь был приправлен лёгким дрожанием в пальцах — не от страха, а от предвкушения.

Когда вдали снова показался тёмный силуэт санатория с редкими горящими окнами, мы замедлили шаг. Подошли к тому же месту у забора. Сетка рабица в темноте казалась ещё более хлипкой и податливой. Свят перелез первым, после взял у меня рюкзак, ловко и почти бесшумно. Я последовал за ним, цепляясь за холодные металлические звенья. На этот раз сердце билось не от страха, а от странного возбуждения — мы сделали это. Мы принесли с собой кусочек внешнего мира, запрещённый и опасный.

На территории было тихо, только где-то далеко скрипела дверь. Мы быстро пересекли двор, прижимаясь к стенам, и юркнули в наш корпус. Лестница на третий этаж показалась бесконечной. В коридоре горели тусклые ночники, отбрасывая длинные тени.

Дверь в комнату 315 открылась беззвучно. Мы вошли, заперлись на ключ и только тогда выдохнули. Свят включил маленький светильник на столе. Я снял рюкзак и поставил его на пол. Бутылки внутри мягко позвякивали.

— Ну что, — прошептал Свят, и на его лице появилась та самая кривая улыбка, — говорил же — будет пиздец весело. Только начинается.

Приключение, пахнущее пылью, хвоей и крепким алкоголем, только что перешло из фазы подготовки в активную стадию. Завтра будет новая смена, новые лица постояльцев, тот же самый «Шелковый путь». Но теперь, зная, что в шкафу под грубой рабочей формой лежит рюкзак с бутылками, казалось, что дышать стало чуть легче. Или, может, это была иллюзия. Но какая разница? В этой серой, регламентированной реальности даже иллюзия свободы стоила того, чтобы ради неё прокрадываться ночью через колючую проволоку.

Глава 7 | Механизм дня

Будильник начинался как журчание далёкого ручья. Потом добавлялись трепет птиц — синтетические, напоминающие голоса тропических птиц из дешёвого документального фильма. С каждым мгновением они нарастали, превращаясь в оглушительный водопад электронного звука, заполнявший всё пространство нашей комнаты. Он пробивался сквозь сон, как дрель сквозь бетон.

Я всегда просыпался за пару минут до этой какофонии. Открывал глаза и несколько секунд лежал неподвижно, вслушиваясь в тишину перед бурей. В храп Свята с соседней койки. Потом, не дожидаясь птиц, выключал будильник и сползал с койки.

Первым делом — щелчок тумблера на электрическом чайнике, стоявшем на столе у окна. Он был такой же, как во всех комнатах — советский «Ветерок», бежевый, с потёртыми боками и тусклой лампочкой-индикатором. Он закипал с громким, утробным шипением и щелчком, запахом горячего металла и тяжёлой воды. Этот звук и этот запах стали для меня новым сигналом к началу дня, заменившим голос Алисы из умной колонки.

Пока вода грелась, я шёл в санузел. Он был крошечным, как будто его впили в стену в последний момент. Душевая кабина с пластиковыми разводами, унитаз, раковина с вечно подкапывающим краном. Всё покрыто слоем вечной, слегка липкой влаги и пахло дешёвым мылом и сыростью. Я умывался ледяной водой, которая на секунду прогоняла остатки сна, и смотрел в замызганное зеркало на своё бледное, с лопнувшей кожей, усталое лицо.

Возвращаясь, я заваривал в старой керамической кружке растворимый кофе — такой же стандартный, как всё здесь. Аромат был обманчивым, обещающим бодрость, но на вкус он был горьким и пустым.

— Вставай, птички поют, — говорил я, пиная ногой пружинный матрас Свята.

Он мычал, что-то неразборное, но через пару минут, с проклятьями, всё же поднимался. Пока он копошился в санузле, я отпирал дверь на балкон.

Балкон был длинным, общим на несколько комнат, отгороженным лишь низкими перегородками. Решётчатые перила были покрыты толстым слоем рыжей ржавчины и облезшей голубой краски. С него открывался тот самый вид — через крыши низких служебных построек, через чахлые сосны, к узкой полоске серо-синего моря на горизонте. Воздух здесь был другим — свежим, солёным, разреженным. Он казался единственной настоящей вещью в этой искусственной реальности.

Мы выходили туда. Я ставил кружку на подоконник, Свят, уже одетый в рабочую форму, прикуривал первую за день сигарету. Молчали. Смотрели на море, слушали крики чаек и далёкий гул волн. Эти десять минут были самым честным временем суток. Никаких ролей, никакого обслуживания. Просто два человека, нелепо стоящие на ржавом балконе устаревшей советской постройки, вдыхающие воздух, который был здесь задолго до них и останется после.

Сама комната, когда смотрелся вокруг в холодном свете утра, напоминала не то каюту на корабле, не то камеру в нестрогом режимном учреждении. Две железные армейские койки с продавленными сетчатыми основами и тонкими, как блин, матрасами. Два шкафчика-пенал для одежды, их дверцы плохо закрывались. Стол с тем же чайником, двумя кружками и моей нераспечатанной книгой. Стул. Маленький холодильник под столом гудел, как взлетающий истребитель. Всё было выкрашено в унылые, успокаивающие цвета: грязно-бежевый, болотный, бледно-зеленым. Пахло старым деревом, пылью, сыростью и едва уловимым химическим ароматом — смесью хлорки и дезодоранта для помещений. Это был быт, лишённый всего лиш-

него, быт как функция. Однокомнатная квартира, из которой вырезали душу, оставив лишь скелет.

В 8:15 мы покидали эту скорлупу. Выходили в коридор. Он был узким, как шахта лифта, с линолеумом, стёртым до основы в центре. Из других дверей выходили такие же сонные фигуры. Обменивались кивками, негромкими «добоое утро». Если можно считать его добрым. Спускались по лестнице с шаткими чугунными перилами, выходили во двор.

Здание столовой, «Шелковый путь», стояло по соседству, соединённое с основным корпусом крытым переходом. Оно было чуть новее, но той же породы — массивное, с гигантскими окнами, в которых отражалось хмурое утреннее небо.

Внутри уже кипела жизнь. Гул голосов, лязг посуды, запах готовящейся еды — каши, яичницы, кофе. Мы шли через огромную, сверкающую кафелем кухню, где у гигантских плит и жаровен уже работали повара в белой или черной форме.

Именно там, у стола холодного цеха, я впервые толком разглядел Ваю. Он стоял, ловко нарежая зелень, его движения были чёткими и экономными. Парень чуть младше меня, с широкими плечами, которые напрягались под тонкой хлопковой формой. Коротко стриженные светлые волосы, спокойное, сосредоточенное лицо без тени утренней раздражительности. Он выглядел собранным. Как человек, который знает, где его место, и не суетится. Когда наш взгляд встретился, он не отвернулся, а просто кивнул — нейтрально, без фамильярности. Внутри что-то щёлкнуло. Нормальный. С ним, наверное, можно говорить не только о работе.

— Это Валя, — бросил Свят, уже проходя мимо. — Строгатель. Парень норм.

В зале «Шелковый путь» мы, словно шестерни в огромной механизме, включались в процесс. Столы, уже накрытые белыми скатертями, столовые приборы, фужеры. В 9:00 точно открывались двери, и в зал начинали входить постояльцы. Мужчины в строгой, часто военной форме, женщины в элегантных, но неброских костюмах. Они садились, изучали меню, говорили тихо. Наша работа превращалась в танец-мимиков: подойти, принять заказ, исчезнуть, принести, расставить, уловить жест, подлить воды, убрать использованную тарелку. Мы были тенями, бесшумными и почти невидимыми. Улыбаться полагалось, но не широко. Говорить — только по делу, чётко и вежливо. Мы обслуживали не людей, а их статус, их временное пребывание в этой искусственной зоне покоя.

К 10:30 основная волна завтрака схлыньвала. Наступало время уборки — гора грязной посуды, замены скатертей, подготовки к обеду. К 11:00 мы, если повезёт и не было наряда на дополнительные работы, могли выскользнуть обратно в свой корпус.

И вот он — священный ритуал послезавтрачного сна. Мы возвращались в комнату 315 и падали на койки. Солнце через окно било в глаза, но это не имело значения. Сон наступал мгновенно, тяжёлый, без сновидений, как выключение. Час абсолютного забытья, компенсация за утреннюю «игру в тени»..

Ровно в 12:00 тот же водопад с птицами вырывал из небытия. Обед. Умывание. Кофе на балконе. Свят — сигарета. В 13:00 — снова в «Шелковый путь». Тот же танец, но уже под другим меню: супы, второе, салаты. Те же лица постояльцев, те же вежливые, отстранённые взгляды.

С 15:00 до 17:00 — снова перерыв. Снова комната. Теперь не всегда спали. Иногда просто лежали. Иногда заходили Миша и Артур — посидеть молча, послушать музыку из старого радиоприёмника Свята, ловящего две станции. Иногда заглядывала Саша, делилась сплетнями с женского крыла. Ксюшу и Машу мы почти не видели. Они жили в каком-то своём, параллельном мире.

В 17:00 — ужин. Последняя, самая долгая служба. К 21:00, когда последние постояльцы покидали зал, а мы заканчивали мытьё и расстановку на завтра, наступало ощущение физической опустошённости и странной, вымученной легкости.

Дорога обратно в корпус в темноте. Иногда, если хватало сил, мы с Святом шли не прямо в комнату, а сворачивали к морю. Не к тому парадному пляжу для гостей, а к маленькому, дикому участку за служебными постройками. Раздевались и заходили в тёмную, прохладную воду. Соль смывала с кожи запах еды и пота. Молчали, глядя на огни где-то далеко в море. Парой перебрасывались своими мыслями.

Потом — обратно. Душ в нашей каплевидной кабине. Разговор вполголоса, пока Свят курил у открытого окна, а я уже лежал на койке. Обсуждали Валю, который сегодня здорово разобрался с внезапной поставкой овощей. Смеялись над вечно недовольным шеф-поваром. Жаловались на боли в спине от постоянной беготни с подносами.

И так — день за днём. На протяжении последней недели. Конвейер, состоящий из звеньев «подъём — служба — забытьё — служба — короткая передышка — сон». Советский механизм, скрипящий, но неумолимый. В этой чёткой, предсказуемой рутине была своя, извращённая, свобода от выбора. Не надо было думать, что делать. Все давно уже подумали за тебя, нужно было просто делать. И пока ты делал, внутри, в тишине между птичьим будильником и свистком душевой кабины, потихоньку отстраивался новый скелет дня. Скелет, который уже не трещал от экзистенциальной боли, а просто ныл от усталости. И в этом была своя, горькая, покорная правда.

Глава 8 | Блестящие глаза

Прошло несколько дней с той ночной вылазки. Жизнь вернулась в свою колею, и новизна будней сменилась привычным, рутинным механизмом. Рюкзак с бутылками лежал на дне шкафа, завёрнутый в старую футболку, как невысказанное себе обещание. Мы с Святом пару раз переглядывались, но никто не решался завести разговор об этом. Откладывали. Как откладывают визит к стоматологу или важный разговор.

Однажды вечером, возвращаясь после ужина в нашу клетку под номером 315, мы застали в коридоре непривычное оживление. Возле соседней комнаты — 317, которая до сих пор пустовала — стояли двое.

Один из них был высоким, под метр девяносто, с широкими плечами, которые казались ещё массивнее из-за обтягивающей чёрной футболки. Темные, короткие волосы, резкие, будто вырубленные топором черты лица. Он стоял, прислонившись к косяку, и что-то говорил своему товарищу низким, хриловатым голосом, похожим на скрип несмазанной двери. Его глаза, темные и слишком блестящие даже при тусклом свете коридорной лампы, метались по сторонам, не задерживаясь ни на чём надолго. Взгляд был пустой и в то же время напряжённый, как у зверя в клетке, который вычислил слабое звено в прутьях.

Второй парень, Леша, был ниже, но не уступал в форме. Та же спортивная выправка, коротко стриженная голова, внимательный, оценивающий взгляд. Он выглядел более сдержанным, словно был здесь не столько участником, сколько контролёром.

Высокий заметил нас первым. Его блуждающий взгляд на секунду сфокусировался, остановился на Святе, потом переполз на мен

— О, соседи! — голос его действительно был грубоватым, с хрипотцой. — Вы тут, получается, давно. Мы новенькие. Макс, — он кивнул на себя, — а это Лёха.

Мы представились. Свят — как обычно, с лёгкой, настороженной ухмылкой. Я — кивну — Комнату вот эту заселили, — Макс большим пальцем ткнул в дверь 317. — Скучновато тут, блять. Все как штыки, по расписанию. А вы, я гляжу, не из таких. Чуйка у меня.

Он прав. Ты не такой.

Я почувствовал, как по спине пробежал неприятный холодок. Не от слов, а от этого взгляда. Он сканировал, искал что-то знакомое.

— Мы как все, — пожал плечами Свят. — Работаем и спим.

— Ну-ну, — Макс усмехнулся, и его губы растянулись в улыбке, которая не дотянула до глаз. — Видали я таких «как все». Ладно, не томите. Вечером свободны? Заскочите. Чайку попьём, поболтаем. Развеем скуку.

Предложение повисло в воздухе.

— Может, — осторожно сказал я. — Только мы тут с другими ребятами договаривались.

— Какими ребятами? — мгновенно отреагировал Макс, и в его глазах вспыхнул искрящийся, ненормальный интерес.

— Девчонки с этажа, — вступил Свят. — Машка, Сашка. Обещали как-нибудь.

— Девчонки! — Макс фыркнул, и его хриплый смех прокатился по коридору. — Ну, это вы всегда успеете. Бабы они и есть бабы. А мы вот тут, мужики, познакомиться хотим. Пососедски. Или что, уже все планы расписали.

Он наглый. Но интересный. Не как эти овощи.

— Ладно, зайдём, — не раздумывая, сказал Свят. Я удивился его быстроте, но промолча

— Вот и славно, — Макс удовлетворённо кивнул. — Часиков в десять. Мы тут будем.

Мы прошли в свою комнату. Дверь закрылась, отсекая тот слишком блестящий взгляд и хриплый голос от нас.

— Чего так быстро согласился? — спросил я.. — Мы же девчонкам...

— Девчонкам, девчонкам, — передразнил Свят, разваливаясь на койке. — Машка вчера сказала, что у них Ксюха опять «не в форме». Может, и не соберутся. А тут... — он многозначительно поднял бровь. — Новые лица. Не скучно будет.

Он прав. Девчонки — это скука, с другой с ними тоже можно развлечься.. Но у них явно не все так чисто, из-за чего интерес берет выше.

— Но смотри на него, — я сел на свою койку. — Глаза... Не хороший взгляд. Может он под чем-то?

— У всех здесь глаза нехорошие, — парировал Свят. — У тебя, если в зеркало посмотреть, тоже не сахар. Все мы тут сбежали от чего-то. Может, он просто от скуки сильнее. Пойдём, глянем. Если что — всегда можем свалить. Соседи же, не укусят.

Кто их знает...

Во мне боролись два чувства. Одно — осторожное, трусливое, которое годами вдалбливало: «Не связывайся, иди по краю, соблюдай правила». Оно шептало, что девчонки — безопаснее, предсказуемее. Другое — то самое, что вытащило меня из прежней жизни, что заставило купить питбайк и согласиться на эту авантюру. Оно скучало. Оно жаждало искры, риска, чего-то, что выбьет из колеи этой предсказуемой рутины. И оно было жирным, наглым и очень убедительным.

Они не укусят. Они предлагают приключение. Настоящее. Не эту жвачку из разговоров о работе и болей в спине. Ты же хотел всё исправить? Хотел перестать быть эмоциональным девственником? Вот твой шанс. Перестань быть трусом.

— Ладно, — сдался я, чувствуя, как внутри что-то щелчком переключается. — Но ненадолго.

В десять мы вышли в коридор. Из-за двери 317 доносились приглушённые голоса и музыка — какой-то тяжёлый, давящий электронный бит. Свят постучал.

Дверь открыл Леша. Он молча отступил, впуская нас внутрь.

Комната была такой же, как наша, но преображённой. Похоже, они привезли с собой больше вещей. На столе, который они сдвинули к центру, стояли несколько бутылок. Две — знакомые квадратные бутылки джина «Барристера» с золотистой этикеткой. И одна — большая пластиковая бутылка из-под колы. Рядом — пачка сигарет, зажигалка, несколько жестяных банок с энергетиков.

Макс сидел на койке у окна, раскачиваясь в такт музыке. Он кивнул нам.

— Ну, вошли — располагайтесь. Лёха, гостям стулья.

Леша придвинул нам единственный стул. Свят сел, я пристроился на краю соседней койки. Воздух в комнате был густым и сладковатым, с примесью алкоголя, табака и чего-то ещё, едкого и химического

— Ну что, — сказал Макс, его блестящие глаза перебежали с меня на Свята и обратно.
— Разливаем? У нас тут на чистый джин или для любителей можно с колой.
— Чистый джин наверное. — ответил ему Свят.

Леша разлил золотистую жидкость по пластиковым стаканчикам. Мы чокнулись. Джин обжёг горло, оставив послевкусие хвои и горячи.

Разговор сначала клеился тяжело. Макс расспрашивал о работе, о начальстве, его интересовали детали — кто когда уходит, какие есть скрытые ходы, слабые места в расписании. Леша в основном молчал, наблюдая. Потом Макс перешёл на личное. Откуда мы, зачем сюда. Говорил отрывисто, с надрывом, и в его историях сквозила привычная для этих стен тема — долги, проблемы, необходимость исчезнуть.

Выпив по второму стаканчику, я почувствовал, как выпивка стала окутывать сознание, притупляя осторожность. Музыка стала громче. Макс достал из кармана скрученную самокрутку, прикурил и протянул Святу. Тот, после секундного колебания, взял.

Вот оно. Начало. Ты же хотел попробовать.

Глава 9 | Химический полёт

Свят передал мне косяк. Я взял его пальцами, которые внезапно показались мне чужими — слишком длинными, неловкими. Запах ударил в нос: не травяной, не знакомый по редким воспоминаниям о студенческих тусовках, а едкий, химический, с горькой нотой гари и чего-то чужеродного, словно жжёный пластик смешался с прелыми листьями. Сердце ёкнуло где-то глубоко внутри, подавая первый, тихий сигнал тревоги.

Ты же хотел попробовать. Ну так попробуй.

Я поднёс скрутку к губам, сделал неглубокую затяжку. Дым обжёг горло, ударил в лёгкие — резко, неожиданно. Я закашлялся, согнувшись пополам, слёзы выступили на глазах. В ушах зазвенело.

— Ничего, нормально, — хрипло засмеялся Макс, хлопывая меня по спине. Его рука была тяжелой, как мешок с песком. — Первый раз всегда так. Ещё пару раз — и прорвёт. Поехали дальше.

Я кивнул, откашлялся, сделал ещё затяжку. Потом ещё. Кашель стих, сменившись странным, нарастающим онемением где-то в затылке. Звуки в комнате — давящий электронный бит, голос Макса, тихое шуршание, когда Леша разливал джин, — стали отдаляться, как будто кто-то вывернул регулятор громкости мира на пол-оборота назад. Они были слышны, но уже не имели значения. Я почувствовал, как мышцы лица расслабляются сами по себе, уголки губ тянутся вверх в глупой, неуправляемой улыбке.

Разговор потек по-другому. Слова стали липкими, тягучими. Макс, развалившись на койке, рассказывал о себе. Голос его, всегда хриплый, теперь звучал отрешенно, будто он комментировал чужую жизнь.

— Сижу на этом, братан, года три уже. Сначала просто баловался, потом втянулся. Деньги кончились, долги, все дела... Сюда, думал, отдохну, бабла подниму. А тут, бля, сухой закон. Ну я не дурак, — он подмигнул мне мутным, блестящим глазом. — Знал куда еду. Пронес с запасом. Здесь, понимаешь, главное — не светиться. А то эти... в форме... они тут быстро вычисляют. Но у нас, — он обвёл рукой комнату, включая молчаливого Лёху, — своя атмосфера.

Он говорил, а я кивал, ощущая, как моё согласие становится всё более автоматическим. Внутри что-то тихо протестовало, кричало, что нужно встать и уйти, пока не поздно. Но тело было тяжёлым, приклеенным к краю койки, а та часть сознания, что жаждала «исправить всё», ликовала и тянулась к этому мутному, опасному теплу.

— Ну что, — сказал Макс, прерывая свой монолог. Его взгляд сфокусировался на мне, стал пронзительным, изучающим. — Чистый джин — это хорошо. Но для полного кайфа... хочешь салют сделать?

Я не успел ничего ответить. Свят, уже заметно навеселе, хлопнул меня по плечу.

— Давай, брат, попробуй! Разок — не палево.

Леха, словно по сигналу, встал и вышел в санузел. Вернулся с пластиковой бутылкой, наполненной прозрачной жидкостью. Не водой. Она была чуть более вязкой, и от неё пахло ничем. Именно это отсутствие запаха было самым пугающим.

Макс налил немного джина в мой стаканчик, потом добавил несколько капель из бутылки. Жидкость слегка помутнела.

— За дружбу, — просто сказал он.

Я выпил. Залпом. Чтобы не думать.

Сначала — просто обжигающий удар джина. Потом, спустя секунды три, — волна. Она пришла не из желудка, а откуда-то изнутри черепа. Головокружение было мгновенным и всепоглощающим, как если бы пол подо мной резко ушёл вниз, а стены начали вращаться вокруг своей оси с медленной, неумолимой скоростью. Я вцепился пальцами в край матраса, чтобы не упасть

Звуки исчезли полностью. Свет от лампы на столе расплылся в большое, пульсирующее жёлтое пятно. Я видел, как Макс что-то говорит, вижу движение его губ, но слышал только густой, низкочастотный гул, как от трансформаторной будки. Лица Свята и Лехи потеряли чёткость, расплылись в пятнах света и тени.

И начался трип. Не психоделический, с картинками и смыслами, а какой-то грязный, физиологический. Алкогольная тяжесть в конечностях сплелась с химической лёгкостью в голове. Меня качало. То в жар, то в холод. Временами казалось, что я падаю в глубокий колодец, и стенки его покрыты липкой слизью. Потом — резкий толчок, и я снова здесь, в комнате, но уже под другим углом, как будто смотрю на себя со стороны, с потолка. И этот парень на койке — бледный, с остекленевшими глазами и идиотской улыбкой — был мне и знаком, и отвратителен одновременно.

Мысли, обрывки мыслей, бились, как мотыльки об горящую лампу.

Зачем?

Это же плохо.

Но интересно.

Я свободен?

Нет, я в ловушке.

Это то, чего ты хотел?

Да.

Нет.

Перестань.

Голоса в голове спорили, накладывались друг на друга, превращаясь в невнятный белый шум.

Я не помню, как мы оказались на балконе. Наверное, Свят вытащил меня подышать. Ночь была тёмной, без звёзд. Воздух, обычно солёный и свежий, казался густым и безвкусным, как вата. Я прислонился к ржавым перилам, чувствуя, как холод металла проникает через ткань рубашки. Внизу, в темноте, угадывалось море. Оно не шумело. Оно молчало, и это молчание было громче любого шторма.

Я закрыл глаза. Чтобы не видеть этого вращающегося мира. Чтобы уйти от этих голосов, от этой липкой, чужой эйфории.

Темнота за веками не принесла покоя. Она пульсировала цветными пятнами — грязно-зелёными, бурыми, кроваво-красными. Я видел лица: шефа с его полутонной тушей, равнодушных постояльцев из «Шелкового пути», бледное отражение в зеркале нашей убогой ванной. Они плыли в темноте, беззвучно шевеля губами, и все они что-то требовали, чего-то ждал

А потом и они растворились. Осталось только ощущение падения. Бесконечного, медленного падения в тишину

Я проснулся от тишины. Не было птичьего водопада будильника. Не было храпа Свята. Была густая, ватная тишина, давящая на барабанные перепонки.

Я открыл глаза. Потолок. Тот самый, с трещиной, похожей на карту неизвестной страны. Солнечный свет резанул по глазам, заставив зажмуриться. Голова... Голова была не моей. Это был тяжёлый, чугунный шар, набитый ватой, ржавыми гвоздями и колотым стеклом. Каждое движение глазного яблока отзывалось тупой, болью где-то глубоко в затылке. Язык прилип к нёбу, сухой и шершавый, как наждачная бумага. Во рту стоял мерзкий привкус — смесь вчерашнего джина, химической горечи и чего-то кислого, желудочного.

Я медленно, с невероятным усилием, повернул голову набок. Койка Свята была пуста. Одеядо скомкано и сброшено на пол.

Выходной. Мысль просочилась сквозь туман, слабая, но ясная. Сегодня выходной. Никакого «Шелкового пути». Никакой службы.

Я попытался сесть. Мир накренился, в глазах потемнело. Пришлось опереться на локоть, ждать, пока волна тошноты отступит. Я сидел так несколько минут, просто дыша, пытаюсь собрать в кучу обрывки вчерашнего. Косяк. Джин. Бутылка с прозрачной жидкостью. Головокружение. Балкон. Падение.

Стыд. Он пришёл не сразу, а потом накрыл с головой, холодный и липкий, как морская тина.

Глава 10 | Искупление морем

Стыд тонул медленно, как тяжёлый камень в мутной воде. Он не исчез, а лёг на дне, стал частью ландшафта, твёрдым и незыблемым основанием для новой, трезвой реальностью.

Выходной оказался подарком. Не тем радостным, что хочется распаковать с улыбкой, а тем необходимым, строгим, как лекарство. Мир за стенами комнаты продолжал жить, и нужно было в него вернуться. Но не в «Шелковый путь» с его тихими приказами и скатертями. Нужно было выйти туда, где не было расписания, где не было ни Макса с его блестящими глазами, ни Свята с его жаждой авантюры. Нужно было пойти к единственному месту, которое оставалось настоящим.

К морю.

Я вышел из корпуса. Солнце, уже высокое, било в глаза, и от его света в висках застучало. Я шёл по двору, мимо служебных построек из серого ракушечника, мимо чахлах, вечно пыльных кустов шиповника. Дорога вела вниз, по каменистой тропинке, которая виляла между заборами чужих участков. Воздух постепенно менялся. Исчезали запахи кухни, хлорки, пота — их вытеснял густой, солоноватый аромат нагретой смолы от старых сосновых шпал и чего-то влажного, прохладного, что чувствовалось уже за поворотом.

И вот он открылся.

Не тот парадный, ухоженный пляж с лежаками и кабинками для важных гостей, куда нас, персонал, пускали только на уборку на рассвете. А другой. Дикий. Узкая полоска гальки, зажатая между бетонными волнорезами, уходящими далеко в воду, как чёрные, скользкие пальцы великана. Сам берег — не песок, а мелкая, отполированная волнами галька всех оттенков серого и бежевого. Она хрустела под ногами, скатывалась с глухим шелестом обратно в воду.

Майское море. О нём нужно было рассказать отдельно.

Оно не было тёплым. Никаких «ласковых волн». Оно было прохладным, почти холодным. Первый шаг в воду отнимал дыхание — не резко, как удар, а настойчиво, как тискание: холод обхватывал щиколотки, поднимался выше, выжимал из тела остатки вчерашнего жара и химозного тумана. Вода была прозрачной до жестокости. Сквозь её толщу видна была каждая трещинка на подводных камнях, каждый завиток зелёных водорослей, колышущихся на слабом течении. Цвет — не бирюзовый, не лазурный, как на открытках. Скорее, глубокий синезелёный, стальной у горизонта, переходящий в почти чёрный там, где начиналась глубина. И только ближе к вечеру, когда солнце, накалившее камни, отдавало своё тепло воде, она становилась терпимой. В ней можно было зайти по грудь, ощутить не шок, а медленное, всепроникающее объятие. Но даже тогда, под вечер, в самой глубине оставалась ледяная жила — напоминание о том, что эта свобода, эта синева, даётся не просто так. Она требует жертвы. Холода. Преодоления себя.

Я стоял по колено в воде, глядя на линию горизонта. Где-то там, за этой дрожащей синей чертой, был Крымский мост, был «большой материк», была моя прежняя жизнь. Но здесь, сейчас, её не существовало. Было только это: хруст гальки под волной, крики чаек, похожие на скрип ржавых петель, и бесконечный, монотонный шум прибоя. Он не успокаивал. Он стирал. Словно огромная, неспешная терка, он снимал с души тонкий слой тревоги, стыда, усталости. Не за один раз. По чуть-чуть.

Я понял, что начал различать людей. Не по именам или должностям. А по типам. По тому, как они двигались в этой строго очерченной реальности санатория.

Были *Тени*. Их было *большинство*. К ним, как ни странно, я начал относить и себя в рабочее время. Мы — *официанты, посудомойки, уборщицы*. Мы двигались по предсказуемым траекториям: корпус — столовая — корпус. Говорили мало, в основном кивали. Наши лица за день работы становились гладкими, безличными масками вежливости. Мы были частью механизма, бесшумным фоном. Мы могли быть кем угодно — бывшим студентом, сбежавшим должником, одиноким неудачником, — но здесь мы были лишь функцией: «подать», «убрать», «принести». Даже наши срывы, вроде той ночной вылазки, были срывами функции, поломкой детали, а не бунтом личности. Свет падал так, что мы отбрасывали слабые, размытые тени, которые растворялись в общем полумраке служебных коридоров.

А были «*Главные герои*». Их было немного, но они задавали тон. Их было видно. Они отбрасывали чёткие, длинные, а иногда и уродливые тени.

Макс и Леха из 317-й — главные герои своего мрачного, химического блокбастера. Они не скрывались. Они излучали опасность, как радиацию. Их тень была густой, липкой, она тянулась за ними по коридорам, и все это чувствовали. Даже администрация с их ледяными взглядами будто обходила их стороной, выжидая. Они были центром своего маленького, гниющего мира.

Ксюша — главная героиня болезненной драмы, которую она писала своими же руками. Она редко появлялась в общих пространствах, но когда появлялась — её было невозможно не заметить. Напряжённая грация, слишком яркий взгляд, резкие движения. Её тень была неровной, рваной, будто её терзали изнутри. Она не вписывалась в общий хор Теней, она была соль-ной партией, исполняемой на разбитых струнах.

Валя, герой с кухни — главный герой другой, тихой истории. Его тень была ровной и спокойной. Он не суетился, не искал приключений, не прятался. Он просто хорошо делал свою работу. Но в этой простой, честной компетентности была сила, которая выделяла его из фона. С ним можно было поговорить о чём-то реальном, не о долгах или веществах, а о том, как правильно наточить нож или почему море сегодня такого цвета. Он был якорем в этом бушующем море человеческих сломанных судеб.

И были пограничные тени. Свят. Он метался между категориями. В рабочее время он был почти Тенью — шустрым, незаметным официантом. Но вечерами, в поисках «приключений», он тянулся к свету, или к тьме, «*Главных героев*», пытаясь отбросить свою собственную, более яркую тень. Он хотел быть не фоном, а фигурой. И, кажется, готов был заплатить за это любую цену.

Стоя в прохладной майской воде, я понимал, что мой внутренний голос, тот самый, что толкал меня на «исправление», жаждал не просто перемен. Он жаждал статуса «*Главного героя*». Пусть даже второстепенного. Не Тени, которую никто не замечает. Не неудачника, сбежавшего от себя. А человека с историей. Да, история могла быть грязной, опасной, глупой — как вчерашний вечер. Но она была его историей. Она отбрасывала тень.

Вопрос был в том, какую именно тень я хотел отбрасывать. Длинную и уродливую, как у Макса? Рваную и несчастную, как у Ксюши? Или ровную и прочную, как у Вали.

Вода, медленно нагреваемая майским солнцем, не давала ответа. Она только омывала, смывая с кожи пот и остатки прошлой ночи. Ответ, если он вообще был, висел где-то между стальными волнами и низким, сизым небом. И чтобы его услышать, нужно было не просто

стоять. Нужно было зайти глубже. Прямо туда, где вода уже не охлаждала, а забирала всё тепло, напоминая о цене, которую платят за то, чтобы перестать быть тенью.

Глава 11 | Розы и джин

После одной из долгих и утомительных смен в «Шёлковом пути», когда воздух в зале казался густым от приглушённых разговоров и запаха дорогого парфюма, Свят накрыл меня рукой на плечо, когда мы выносили последние подносы с грязной посудой.

— Что, братан, сдулся? — Его улыбка была усталой, но в глазах прыгал знакомый огонёк. — Давай развеемся. И у меня есть идея.

Прошло лишь несколько дней, после последней посиделки. Что на этот раз?

Идея, как вскоре выяснилось, была простой и гениальной одновременно. После формального сдачи смены и обхода наших комнат, мы, вместо того чтобы отдыхать в своей каменной норе, быстро вытащили из тайника в шкафу рюкзак с нераспечатанным «Барристером» и, пряча его под верхней одеждой, двинулись не к своим дверям, а дальше по коридору.

— Куда? — спросил я, но Свят лишь многозначительно поднял бровь.

— В гости. К тем, у кого хоть немного похоже на жизнь.

Он постучал в дверь с номером 310. Открыла Маша. Увидев нас, она улыбнулась — открыто, по-домашнему, — и отступила, впуская внутрь.

Я попал в другой мир.

Если наша комната 315 была казённой капсулой, лишённой всего, кроме самого необходимого, то здесь здесь пахло. Не пылью, не сыростью и не хлоркой. Здесь пахло сладковатым, тёплым ароматом свежих цветов. В крошечной вазочке на тумбочке у окна стоял скромный букетик полевых цветов, от которых, казалось, и исходило это тонкое, почти неуловимое благоухание. Оно перебивало даже запах моря, что проникал с балкона.

Комната была такой же по планировке, но преображённой до неузнаваемости. Две койки были объединены вместе, благодаря чему девчонки спали вместе. Застелены не казёнными серыми одеялами, а ярким, мягким пледом — вишнёвого оттенка. На стенах висели не трещины, а несколько постеров с видами городов и пара фотографий в лёгких рамках. На столе, вместо нашего гудящего чайника и кружек с разводами, стояла небольшая керамическая ваза, та самая, и несколько женских мелочей: косметика, тюбики кремов, раскрытая книга с цветной закладкой. Воздух был не спёртым, а каким-то уютно тёплым, будто его специально подогревали не для существования, а для жизни. Здесь было тепло. Не физическое, а то самое, которого так не хватало в нашей комнате, в коридорах, во всей этой строгой, вылинявшей от времени постройке. Тепло человеческого гнезда.

В комнате были они.

Ксюша сидела на краю кровати у окна, поджав под себя ноги. Стройная, со светлыми, аккуратно уложенными волосами до плеч. Черты лица — чёткие, почти графические: тонкий нос имел небольшую горбинку, высокие скулы, подчёркнутые естественным румянцем. Но главное — глаза. Выразительные, светлые, с внимательным, сканирующим взглядом, который на секунду остановился на мне, оценивая, прежде чем отвести в сторону. Она была немного выше остальных, её фигура — подтянутая, женственный силуэт, подчёркнутый простой, но широкой домашней футболкой и высокими шортами. В ней не было ничего броского, но была какая-то внутренняя, хрупкая и в то же время упругая грация.

Рядом, на стуле, расположилась Саша — та самая, с которой Свят познакомился в столовой. Она жила отдельно, в другой комнате, но, видимо, часто бывала здесь. Длинные тём-

ные волосы ниспадали ей на плечи, обрамляя мягкое, доброе лицо с большими, спокойными глазами. Её фигура была тоже стройной, но более мягкой, пропорциональной, с аккуратными, женственными формами.

А Маша, хозяйка комнаты, стояла у тумбочки, поправляя цветы. Светло-русые волосы были собраны в небрежный, но милый хвостик. Черты лица — нежные, округлые, с лёгкой, почти детской припухлостью губ и ямочками на щеках, которые появлялись, когда она улыбалась. Фигура — средняя, ничем не выдающаяся, но в своей простоте и естественности казалась самой уютной и «домашней» из всех.

— Ну, заходите, не стойте на пороге, — сказала Маша, и её голос звучал так же тепло, как и воздух в комнате. — Саша говорила, что вы, может, заглянете.

Мы вошли, чувствуя себя немного неуклюже, как медведи в стеклянной лавке. Свят, однако, быстро пришёл в себя.

— Принесли гостинец, — он похлопал по верхней одежде. — Чтобы не скучно было.

Ксюша молча наблюдала, её взгляд скользнул по движениям Свята, потом вернулся к нам. В её глазах читалось не осуждение, а скорее любопытство, смешанное с лёгкой иронией.

— Шампанское есть, — вдруг сказала Саша, указывая на небольшой холодильник под столом. — Настоящее, полусладкое. Припасла на хорошую компанию.

— Вот и отлично! — оживился Свят. — У нас — джин. Будет чем разбавить.

Мы устроились. Я сел на край кровати, недалеко от тумбы, Свят пристроился на полу, прислонившись к тумбочке. Маша достала из холодильника узкую бутылку шампанского, обёрнутую в золотистую фольгу. Ксюша молча протянула ей два изящных бокала, которые стояли на полке над кроватью — не пластиковые стаканчики, а настоящие, тонкие, с длинными ножками.

Тем временем Свят поднял пайти и поставил на стол квадратную бутылку «Барристера». Золотистая жидкость внутри переливалась в мягком свете настольной лампы. Он достал два наших, уже привычных, пластиковых стаканчика.

Возникла небольшая, почти ритуальная пауза. Два мира — их и наш — столкнулись в этом маленьком, уютном пространстве. С одной стороны — изящные бокалы, запах роз, тёплые пледы. С другой — потрёпанная одежда, дешёвый джин и грубые стаканчики. И мы посередине.

Маша ловко откупила шампанское. Лёгкий, праздничный хлопок прозвучал негромко, но казался самым громким звуком за весь вечер. Она налила искрящуюся жидкость в бокалы себе, Саше и Ксюше. Пена осела, оставив лёгкую кружевную сеточку на стенках.

Свят тем временем налил джин в наши стаканчики — щедро, почти до краёв. Золотистая жидкость была густой и пахучей.

— Ну что, — сказал Свят, поднимая свой стакан. Его взгляд встретился с моим, а потом обвёл девушек. — За за побег. Хотя бы на один вечер.

Я поднял свой стакан. Джин пахнул хвоей и обещанием забвения.

Девушки подняли свои бокалы. Шампанское в них искрилось, как жидкое золото в тёплом свете лампы.

— За побег, — тихо, но чётко повторила Маша, и её глаза улыбнулись.

На секунду в душе стало стыдно, за наш вид.

И в этот момент, когда наши стаканчики и их бокалы ещё не соприкоснулись, а только замерли в воздухе, я поймал взгляд Ксюши. Она смотрела прямо на меня. В её выразительных глазах не было ни веселья, ни осуждения. Было просто понимание. Понимание того, что мы все здесь, в этой комнате, пахнущей розами и шампанским, — всего-навсего беглецы. И этот хрупкий, тёплый миг — наша общая, временная амнистия.

Свят чокнулся со мной. Глухой стук пластика о пластик.

Девушки легко позвякали своими хрустальными бокалами. Звон был чистым и нежным.

И мы выпили. Я — свой жгучий, грубый джин залпом, чувствуя, как он разливается огнём внутри. Они — сделав маленькие, изящные глотки шампанского, с лёгкой, едва заметной улыбкой на губах.

Приключение, пахнущее теперь не только пылью и хвоей, но и розами, и шампанским, сделало свой первый, неуверенный глоток. Что будет дальше — не знал никто. Но в этой тёплой, гостеприимной комнате, на краю чужого моря, это на секунду перестало иметь значение.

Глава 12 | Рыцарь печального образа

Гул начинался где-то глубоко в основании черепа. Не болезненный, а густой, ватный, как будто кто-то включил внутри вентилятор, лопасти которого медленно вращались в мёде. Сквозь этот гул пробивались птицы. Не те синтетические, с которыми я привык просыпаться, а другие — знакомые, но неуместные. Приглушённый водопад электронного щебета. Мой будильник.

Я открыл глаза. Но не увидел знакомой трещины на потолке, похожей на карту забытой страны. Потолок был гладким, выкрашенным в тот же унылый бежевый цвет, но без трещин. И птицы играли уже давно, судя по тому, что мелодия будильника была где-то в середине, а не в начале.

Я лежал неподвижно, пытаясь скомандовать мышцам шеи повернуть голову. С трудом, с похмельной осторожностью, я оглядел комнату. Стены. Одна — голая. Другая — с постерами. Не мои. Полка над кроватью с книгами и парой бокалов. Бокалы.

Ебанный в рот.

Я медленно, как на пытке, повернул голову налево. Две койки, сдвинутые вместе, образовывали широкое спальное место. На левой стороне, спиной ко мне, под тем самым вишнёвым пледом, лежала девушка. Светлые волосы растрепались на подушке, из-под одеяла виднелась тонкая линия плеча в чёрной футболке.

Ксюша.

Мысль ударила с такой ясностью, что гул в голове на секунду стих, сменившись ледяной пустотой. Надеюсь, я просто здесь уснул. Надеюсь, я просто ни хера не помню. Надеюсь, я просто ни хера не наделал.

Я осторожно, миллиметр за миллиметром, приподнял одеяло и заглянул под него. На мне были мои же вчерашние штаны и футболка. Сморщенная, пропахшая дымом и потом, но целая. На ногах — носки. Я выдохнул, но облегчение было мизерным. Стыд и паника уже ползли по животу, холодными щупальцами.

Я, стараясь не скрипеть пружинами, сполз с кровати. Ноги подкосились, мир накренился. Я ухватился за край тумбочки, чтобы не рухнуть. Ваза с цветками едва не упала. Я замер, прислушиваясь. Со стороны кровати доносилось ровное, спокойное дыхание. Она не проснулась.

Как вор, крадучись, я прошёлся взглядом по комнате. На столе стояли пустая бутылка шампанского, наш «Барристер» — тоже почти пустой, и четыре стаканчика: два пластиковых, два хрустальных. Картина была мирная, почти невинная. Если не считать общей атмосферы похмельного апокалипсиса.

Я нашёл свои кроссовки, стоявшие у порога, и, не зашнуровывая, выскользнул из комнаты. Дверь закрылась за мной с тихим щелчком.

Коридор встретил меня утренней пустотой и запахом пыли. Я почти бежал до своей двери. 315. Я ворвался внутрь.

Комната встретила меня непривычным порядком. Вернее, не порядком, а другой конфигурацией. Две железные койки, обычно стоявшие порознь, были сдвинуты вместе, как у девочек. На балконе, спиной ко мне, стоял Свят. Он был уже одет в рабочую форму, в руке дымилась сигарета. Он услышал, как я влетаю, и, не оборачиваясь, произнёс хриплым от сна и курения голосом:

— Проспал ты.

Я остановился посреди комнаты, переводя дух. Сердце колотилось где-то в горле.

— Что что было? — выдавил я.

Свят наконец обернулся. Его лицо было бледным, под глазами — фиолетовые тени, но в глазах светился знакомый, усталый азарт.

— Что было? — он усмехнулся. — Был, братан, культурный обмен. Ты, видимо, устал и прилёг отдохнуть. Ну, а меня тут Маша пожалеть решила, — он кивнул на сдвинутые койки. — Говорит, так теплее. А я что, я не против.

Враньё. Он врёт. Но, кажется, и правда ничего не было.

— А с Ксюшей? — спросил я, уже тише.

— А с Ксюшей ты, похоже, философские диспуты вёл. Потом отрубился. Мне то откуда знать.

Облегчение, на этот раз не сильное, хлынуло волной. Но тут же его сменила новая волна стыда. Я стоял посреди комнаты, совершенно разбитый, в смятой одежде, а он — уже собранный, курит на балконе, как будто так и надо.

— Быстро собирайся, — сказал Свят, бросая окурочек в жестяную банку на подоконнике. — Через двадцать минут на смену. Без завтрака сегодня.

День прошёл в тумане. Голова гудела, во рту был вкус пепла и вчерашнего джина. Я двигался на автопилоте, выполнял привычные движения в «Шёлковом пути»: ставил тарелки, разливал воду, улыбался безликой вежливой улыбкой. Мне казалось, что все смотрят на меня и знают. Знают, где я провёл ночь. Знают, как я валялся в беспамятстве на чужой кровати. Это, конечно, была паранойя.

Перерыв между обедом и ужином. Я решил не идти в комнату, где слишком ярко светило солнце и где стоял запах нашего вчерашнего позора. Я побрёл в корпус, к автомату с водой. Напиться. Просто напиться холодной воды.

И вот, поворачивая за угол в полумраке служебного коридора, я почти столкнулся с ней.

Ксюша.

Она шла навстречу, тоже, видимо, в свой перерыв. На ней была красная кофта, те же шорты. Волосы были снова аккуратно убраны. Лицо — свежее, спокойное. Она увидела меня и остановилась. Её пронзительные глаза медленно, с едва заметным интересом, осмотрели меня с ног до головы.

Я замер, чувствуя, как кровь бросается в лицо. Я приготовился к насмешке, к колкости, к молчаливому презрению.

Но она улыбнулась. Не широко, а уголками губ. И сказала тихим, ровным голосом, в котором слышалась лёгкая, едва уловимая издевка:

— О, мой рыцарь. Защитник мой.

Я почувствовал, как земля уходит из-под ног. Не от похмелья, а от нелепости этой фразы, брошенной в тишине пустого коридора.

— Что? — выдавил я, не в силах выдумать ничего умнее.

— Ничего, — она покачала головой, и её взгляд стал каким-то снисходительно-ласковым. — Так, ничего. Просто вспомнила, как ты вчера всех от меня защищал.

Я ничего не понимал. Вообще не понимал причем здесь защитник. Видимо после второй или третьей рюмки джина я чего-то наговорил. Стыд накрыл с новой силой, горячий и беспомощный.

В этот момент из-за угла появился Свят, очевидно, искавший меня. Он услышал последнюю фразу и замер. Его лицо сначала выразило полное недоумение, а потом на нем начало медленно, неудержимо расплываться ухмылка. Он сжал губы, пытаясь сдержать смех.

Ксюша, бросив на нас обоих последний, лёгкий взгляд, кивнула и прошла мимо, оставив за собой шлейф того самого, едва уловимого аромата, смешанного теперь с запахом коридора.

Я стоял, не в силах пошевелиться. Свят, наконец, не выдержал. Он прислонился к стене, и тихий, сдавленный смех вырвался у него наружу.

— Рыцарь — выдавил он сквозь смех. — Бля, защитник Ох, братан, ты вчера ты вчера и историю наворотил...

Он смеялся уже в полный голос, давясь и хватая ртом воздух. А я стоял посреди полутемного коридора, с лицом, пылающим от стыда, и слушал этот смех, который, казалось, звенел в унисон с гулом в моей опустошённой голове.

Рыцарь. Ксюша. Защитник.

Вот она, тень, которую я отбрасывал. Не длинная и уродливая, не рваная и несчастная. А жалкая, смешная и нелепая. Тень шута, который, нализавшись, воображает себя героем.

И в этом, пожалуй, не было никакой горькой правды. Была только пошлая, дешёвая и очень глупая правда дурака, который так и не понял, в какой истории он оказался.

Глава 13 | Первый дым над пропастью

Вечер выдался тихим и безветренным. После той дурацкой сцены в коридоре, после смеха Свята и этого унижительного «рыцаря», я больше не мог находиться внутри. Стены комнаты 315 снова начали давить, запах старой пыли и невытой одежды вызывал тошноту. Я молча взял со стола пачку сигарет Свята — он курил дешёвые, с жёстким, едким дымом — и вышел.

Не на балкон. Балкон был частью этой системы, этого общежития, откуда доносились приглушённые голоса и запахи чужих жизней. Я пошёл к морю.

Ночной пляж был пуст. Фонари где-то далеко на парадном спуске отбрасывали лишь бледные пятна света, не достигавшие этого дикого участка. Я сел на крупную, холодную гальку у самого уреза воды. Шум прибоя был монотонным, гипнотизирующим. Он не успокаивал, а лишь заглушал внутренний шум — тот самый, что состоял из голосов, стыда и вечного вопроса «что дальше?».

Я достал пачку. Сигареты «Камел», желтая пачка, уже почти пустая. Я никогда не курил. В школе пробовал разок — забило кашлем и отвращением. Потом — принцип. Не хотел быть как все. Ирония в том, что сейчас я сидел на краю чужого моря, в полной темноте, с пачкой чужих сигарет, и был самым что ни на есть «как все» — потерянным, сбитым с толку, ищущим хоть какую-то точку опоры в самом простом, самом дешёвом саморазрушении.

Ну что, великий некурящий? Дошли руки?

Я не ответил. Просто вертел пачку в пальцах. Пластиковая упаковка похрустывала.

Кури. Чего боишься? Ты же уже столько границ пересёк. Алкоголь, который терпеть не мог. Трава, от которой чуть не словил паническую атаку. Чем сигарета хуже? Она хоть легальна. Ну, почти.

«Границы». Это слово вертелось в голове. В школе у меня была граница — не пить, не курить, хорошо учиться. Потом появилась Даша.

Даша. Выпускной. Белое платье, слегка неловкая улыбка, духи с запахом зелёного яблока. Мы танцевали под какой-то попсовый хит, я боялся прикоснуться к ней слишком сильно. Кажется, вот она — точка отсчёта. Всё начнётся после. У неё были планы на медицинский, у меня — туманные мечты о жизни военного. Мы сидели в поле, в нашей деревне, и мне казалось, что я чувствую вкус будущего — сладкий и неопределённый.

Потом её будущее стало конкретным: Москва, институт, парень из её группы. Моё будущее стало конкретным: кухня, нож, график 7/2. Граница между нами оказалась не линией на карте, а целым океаном разных жизней. Мы даже не поругались. Просто перестали писать. Граница стёрлась сама собой, потому что её нечем было наполнять.

Сентиментальничаешь. Она тебя даже не вспомнит.

Потом была Вероника. Не студентка, не мечтательница. Официантка из соседнего кафе. Яркая, громкая, с колючим взглядом и привычкой говорить правду в глаза. С ней не было сладкой неопределённости. Была жёсткая, почти болезненная ясность. Она хотела внимания, подарков, острых ощущений. Я хотел тишины и чтобы кто-то наконец увидел меня — не повара, не функцию, а человека. Мы друг друга не увидели.

Измена стала не ударом, а закономерным итогом. Я нашёл в её телефоне переписку, даже не скрытую особенно. «Он такой скучный, Вить, ты меня понимаешь?» Понимал. Я и сам себя находил скучным. Граница верности оказалась для неё просто линией на песке. Моя граница оказалась бетонной стеной, за которую я больше никого не пустил.

И правильно сделал. Все они — одноразовые. Как эти сигареты. Выкурил — выбросил. Оставил послевкусие гари и пустоту в кармане.

Я вытащил одну сигарету. Она была слегка помятой. Поднёс к носу. Запах сухого табака, что-то древесное, горькое. Неприятно. Но в этой неприятности была какая-то честность. Никаких намёков на яблоки или будущее. Просто смола, никотин, химия.

Я закурил. Спичка чиркнула с громким, сухим звуком, на секунду осветив мои пальцы и холодную гальку под ногами. Я прикурил, сделал первую, осторожную затяжку.

Дым ударил в горло — резко, грубо. Я закашлялся, слёзы брызнули из глаз. Но на второй затяжке было уже легче. Дым наполнил лёгкие, тяжелый и тёплый. Голова слегка закружилась. Никакого откровения. Никакого покоя. Просто ещё одно физическое ощущение, добавленное к общей копилке дискомфорта: похмелье, боль в спине, щемящее чувство стыда, и теперь — лёгкое жжение в груди.

Ну как? Понравилось быть как все?

«Я не хочу быть как все», — подумал я, но мысль прозвучала слабо и неискренне.

А кем ты хочешь быть? Рыцарем? Защитником? Смешным парнем, который валяется на кровати у девчонок и несёт чушь? Или вот этим — сидящим в темноте и травищим себя никотином, потому что больше нечего делать?

«Я не знаю», — признался я самому себе, выдыхая струйку дыма в ночной воздух. Дым смешался с туманом, поднимающимся от воды, и исчез.

Я знаю. Ты хочешь, чтобы всё это кончилось. Не жизнь — эта невыносимая тягомотина. Ты загоняешь себя в яму, и с каждым днем стенки становятся выше. Алкоголь, эта дрянь у Макса, теперь сигареты. Это не побег. Это рытьё. Ты копаешь себе могилу по крупице, и делаешь это с таким усердием, будто это и есть твоё призвание.

Я молчал, прислушиваясь. Волна накатила, омыла гальку у моих ног, отхлынула с шелестом.

Позволь мне. Дай мне поучаствовать. Не просто комментировать твой жалкий спектакль. Дай мне руль. Ты же всё равно не справляешься. Ты уничтожаешь себя медленно, скучно, бездарно. Я сделаю это быстрее. Я сделаю это интересно.

«Что значит «интересно»?» — спросил я мысленно, чувствуя, как холод от камней проникает сквозь джинсы.

Интересно — это когда ты перестанешь бояться. Не бояться последствий, не бояться выглядеть дураком, не бояться боли. Интересно — это сжечь мосты. Не уволиться, а взорвать это место. Не выкурить сигарету, а затянуться так, чтобы мир

поплыл. Не смотреть на Ксюшу с надеждой и стыдом, а Ну, ты понял. Ты играешь в бунт, как ребёнок в песочнице. Я покажу тебе, что такое настоящий бунт. Бунт, после которого не останется ничего. Ни стыда, ни сомнений. Только тишина.

Его слова висели в воздухе, казались соблазнительными и чудовищными одновременно.

Это была не просто мысль. Это было предложение. Капитуляция.

Я докурил сигарету до фильтра, чувствуя, как горький привкус заполняет весь рот. Кончик тлел красной точкой в темноте. Я швырнул окуток в сторону прибора. Маленькая искра описала дугу и погасла с шипением в мокрой гальке.

Вставать не хотелось. Казалось, если я останусь здесь сидеть, то холод и шум волн в конце концов сотрут всё — и голос, и стыд, и память о Даше и Веронике, и глупое прозвище «рыцарь». Оставят только пустоту. А в пустоте, может быть, было бы не так больно.

Но ноги сами подняли меня. Затекшие, одревеневшие от холода. Я повернулся спиной к морю и побрёл обратно, к жёлтым квадратам окон общежития, к своей клетке под номером 315, к Святу, к завтрашней смене в «Шёлковом пути». Шаг за шагом. Обратно в яму, стенки которой, кажется, за этот вечер стали ещё немного выше.

Не волнуйся. Скоро мы сделаем это вместе. Скоро ты перестанешь бояться падения. Потому что падать будет уже не куда.

Я не ответил. Просто шёл, и во рту горько пахло пеплом.

Глава 14 | Стук в тишине

Прошло несколько дней. Рутинa сковала время в плотный, предсказуемый узор: смена, короткий перерыв, сон, снова смена, выходной — затишье, отдающееся в висках гулом пустоты. Мы с Святом стали похожи на две шестерёнки в одном механизме, движущиеся синхронно, почти без слов. Выходной провалился, как всегда, в дремоту у окна и бесцельное блуждание по территории, и вот уже вечер, и мы снова в нашей клетке 315.

Мы лежали на своих койках, не раздеваясь. Тусклый свет от ночника на столе рисовал на потолке дрожащие тени. Воздух был спёртым, пахло невымытыми носками и пылью, что вечно клубилась под кроватями. Мы не спали. Просто лежали, уставшие до тошноты, но неспособные провалиться в забытие. Мозг, перегруженный монотонностью, продолжал тихо фонить, как отключённый, но не остывший двигатель.

— Слышь, — хрипло начал Свят, не поворачивая головы. Он лежал на спине, уставившись в тот же потолок, что и я. — Ты вот вчера с Вале́й говорил, да? Про мясо для щей.

— Ну, — выдавил я. Говорить не хотелось, но молчание было ещё тяжелее

— Говорит, его отец мясником был. Знает, какую говядину брать, чтобы не жёсткая была. Интересно.

Пауза. Шум моря доносился сюда приглушённым, далёким гулом, как шум крови в уша

— А я вот думаю, — продолжил Свят, и в его голосе появилась странная, отстранённая задумчивость. — Как они все тут держатся. Некоторые, блять. Макс, тот... У него же глаза, как у покойника на нарах. Блестящие и пустые. Как он ещё ходит.

Я почувствовал, как внутри что-то неприятно ёкнуло. Мы избегали этой темы после того вечера. Словно по негласному соглашению.

— Держится на чем держится, — пробормотал я. — Пока не сломается.

— А ты пробовал? Не тогда, у них. Раньше .

Вопрос повис в темноте. Прямой. Неожиданный.

Скажи ему. Скажи, что ты уже на краю. Что тебе всё равно.

— Нет, — солгал я. — Только тогда. И то, хватил

Свят перевернулся на бок, лицом ко мне. В полумраке его черты казались размытыми, но глаза ловили слабый свет от окна.

— Я вот косяк — да, — сказал он тихо. — В старшей школе, ещё. Пацаны угостили. Ну, расслабило, повеселило. И всё. Не тянет. Не понимаю я этой херни. Зачем сознание туманить, когда и так его не хватает. И деньги на ветер. Глупая затея.

В его словах не было осуждения. Была простая констатация. Он не понимал. И, кажется, даже жалел тех, кто понимает.

Он слабый. Он боится заглянуть за край. Ты сильнее. Ты хочешь знать, что там.

— Может, не в том дело, чтобы потуманнить, — сказал я, и мой голос прозвучал чужим, плоским. — Может, дело в том, чтобы наконец что-то почувствовать. Или не почувствовать. Чтобы выключить этот... внутренний шум ....

Свят помолчал.

— А разве выключается? — спросил он наконец. — Макс-то, он вроде выключенный. Но он же не спокоен. Он как зверь загнанный. Шум у него внутри, да такой, что, кажется, его все слышат. Мне кажется, эта вся дрянь не выключает. Она просто меняет шум на другой. На более противный.

Он ничего не понимает. Он живёт в своей безопасной скорлупке. У него есть свой маленький бунт — сигарета, бутылка джина. И ему хватает. Тепличное растение.

— Может, и меняет, — согласился я, чувствуя, как по спине ползёт холодок. — Но когда надоедает один шум... хочется попробовать другой. Любой. Просто чтобы было не так, как сейчас.

— И что, всё подряд пробовать? — в голосе Свята прозвучало лёгкое, едва уловимое отвлечение. — Как в супермаркете? Щас вот героинчик, потом крэк? А что в конце? Цианид, чтобы вообще ничего не шумело.

Я закрыл глаза. Перед веками поплыли пятна.

— Не знаю, — прошептал я. — Может, и да. Может, времени мало осталось, чтобы выбирать.

Я не хотел это говорить. Это сказал Он. Слова выскользнули сами, будто кто-то другой управлял моими губами.

В комнате повисла тяжёлая, давящая тишина. Даже шум моря словно стих.

— Ты чего, совсем ебанулся? — тихо, но чётко спросил Свят. В его голосе не было уже ни задумчивости, ни простого любопытства. Была трезвая, холодная тревога. — Мало осталось? Тебе двадцать с хвостом, блять. Вся жизнь впереди.

Впереди? Какая жизнь? Конвейер. Боль в спине. Пустота в телефоне. Тени на стенах. Это — жизнь?

— Какая жизнь? — повторил я его слова вслух, и они прозвучали как эхо из глубокого колодца. — Эта? Работать, спать, бояться, стыдиться? Это — впереди? Это — то, ради чего стоит отказываться от... от других вариантов.

— Других вариантов? — Свят фыркнул, но в этом звуке не было смеха. Было раздражение и что-то похожее на жалость. — Макс — это твой «другой вариант»? Ксюша, которая сама не своя? Это не варианты, братан. Это тупики. Красиво упакованные, да. Но тупики.

Он помолчал, будто собираясь с мыслям

— Я тебя понимаю, — сказал он неожиданно тише. — Скучно. Душно. Хочется взорвать. Я сам сюда приехал не курорт искать. Но есть разница между взорвать и сжечь себя заживо. Ты на второй путь настроен. И на это... это страшно смотреть.

Он боится за тебя. Смешно. Он, который тащит тебя в каждую авантюру, теперь читает мораль. Лицемерие.

— Не надо за меня бояться, — резко сказал я, открывая глаза. Потолок был тем же. Ничего не изменилось. — Я сам разберусь.

— Да я и не боюсь, — отрезал Свят, снова поворачиваясь на спину. Его голос стал отстранённым, закрытым. — Просто констатирую. Делай что хочешь. Твоя жизнь. Твоя яма. Копать тебе.

Больше мы не разговаривали. Тишина стала абсолютной, кроме нашего дыхания и далёкого гула волн. Она была хуже любого шума. Она была полна невысказанного, упреков, страха и того самого стыда, который теперь, казалось, излучали сами стены.

Я чувствовал, как сон медленно и нехотя накатывает, как тягучая смола. Сознание начинало расплываться, границы мыслей таять. Ещё немного, и я провалюсь в чёрную, безмысленную пустоту.

И в этот момент, на самой грани, в дверь постучали.

Стук был необычным. Не робкий, не настойчивый. Он был быстрым, отрывистым, словно кто-то настукивал кончиками пальцев мелодию — нервную, торопливую, без начала и конца. Тук-тук-тук-тук-тук. Пауза. Тук-тук-тук. Звук был слишком лёгким для мужской руки и слишком неритмичным для администрации.

Мы оба замерли. Свят приподнялся на локте, я повернул голову к двери. В темноте силуэт двери казался чёрным прямоугольником, на котором вот-вот должно было появиться что-то нездешне

Стук повторился. Тот же торопливый, танцующий ритм. Тук-тук-тук-тук. Тук-тук.

Кто-то явно не стучал, чтобы его впустили. Кто-то стучал, чтобы сообщить о своём присутствии. Чтобы мы знали: кто-то стоит с той стороны и ждёт, затаив дыхание.

Свят медленно сполз с койки. Его лицо в полумраке было напряжённым, бдительным. Он сделал шаг к двери, потом остановился, прислушиваясь.

Стук стих. В коридоре была абсолютная тишина.

Я лежал неподвижно, чувствуя, как холодок от разговора сменился другим холодком — острым, как лезвие. Это не был Макс. Не Леха. Не администратор. Этот стук принадлежал другому миру. Миру, который стучался в нашу дверь своим особым, шифрованным кодом.

Глава 15 | Точка невозврата

Дверь открылась резко, с хрипом несмазанных петель. В проеме стоял Макс. Свет из коридора падал на него сзади, очерчивая его высокую, напряжённую фигуру. Глаза его, всегда слишком блестящие, теперь были абсолютно стеклянными, пустыми, как у слепой рыбы. Зрачки — огромные чёрные дыры, поглощающие свет. Двигался он резко, рывками, словно его суставы скрипели и не слушались, но внутри его двигал дикий, химический мотор.

Он шагнул внутрь, даже не спрашивая, и захлопнул дверь за собой. Воздух в комнате мгновенно стал гуще, пахнуть холодным потом и чем-то ещё — едким, сладковатым, как перегоревшая проводка.

— Спите, парни? — голос его был хриплым шёпотом, но в нём слышалась неприятная, липкая весёлость. Он подошёл прямо к моей койке, спустился на корточки, так что его лицо оказалось в сантиметрах от моего. От него пахло химией и водкой. Его стеклянный взгляд ползал по моему лицу, словно пытаясь его сфокусировать.

— Ты чего, Макс, — пробормотал Свят, приподнимаясь на койке. В его голосе была тревога, прикрытая раздражением.

— А чего такой кислый? — Макс не отвел от меня взгляда. — Скучно. Мерзко. Предлагаю культурно провести время. У нас там, — он мотнул головой в сторону коридора, — есть жидкость. Огненная. Разгонит эту тоску.

Скажи да. Чего ты боишься? Он твой билет. Билет в один конец, но зато куда интереснее, чем эта койка и потолок.

— Нам на смену, — попытался возразить я, но голос прозвучал слабо.

— Какая смена? — фыркнул Макс. — Ночь на дворе. Живи сейчас. Или вы тоже, как все эти овощи? Тени? — Он произнёс это слово с таким презрением, что мне стало стыдно за свой отказ.

Его наглость была отвратительна. Но в ней была сила. Сила того, кто уже сжёг все мосты и теперь смотрел на наш уютный маленький страх свысока.

Борьба длилась пару минут. Свят смотрел на меня, его лицо было маской нерешительности. Он ненавидел Макса, боялся его, но и его тянуло к этому пламени — ведь скука и тоска были нашими общими врагами.

— Ладно, — хрипло сказал я. — По одной. И всё.

Макс расплылся в широкой, беззубой ухмылке. — Вот и славно. Мужики.

Мы пошли за ним по тёмному коридору. Ноги были ватными. В комнате 317 уже было душно и накурено. Леха сидел на койке, такой же отрешённый, как и всегда, словно часовой при химическом складе. На столе стояла недопитая бутылка водки без этикетки и несколько гранёных стопок.

Макс разлил. Жидкость была мутной, пахла спиртом и сивушными маслами. Мы чокнулись. Первая стопка обожгла, вторая — ударила в голову, смывая остатки осторожности. Свят начал что-то говорить, шутить, но его слова плыли где-то далеко. Я чувствовал, как тёплая тяжесть растекается по телу, а внутренний голос, тот самый второй, ликовал. Он пел тихую победную песню. Мы были в логове зверя. И мы пили его яд.

— Ну что, для полного счастья не хватает только... — Макс протянул руку. На его ладони лежали две маленькие круглые таблетки, розовато-бежевые, с фаской. Они выглядели безобидно, как витаминки.

— Что это? — спросил я, уже зная ответ.

— Что-то, братан. Поднимет так, что потолок поцелуешь. И никакой тоски, никаких мыслей.

Возьми. Это то, чего ты хочешь. Полное отключение. Полёт.

Я взял таблетку. Она была холодной и гладкой. Свят колебался дольше, его лицо исказила гримаса страха и отвращения. Но под взглядом Макса — насмешливым, давящим — он тоже взял свою.

Мы проглотили. Запили той же водкой.
Сначала ничего. Прошло минут пять. Потом...

Потом мир начал менять плотность. Сначала звуки. Потом краски. Тусклый свет лампы на столе вспыхнул ослепительно белым, затем распался на миллион радужных осколков, которые поплыли по комнате, как мыльные пузыри. Стены задышали. Моё тело перестало быть моим. Оно стало набором отдельных, странно вибрирующих деталей. Сердцебиение — громкое, как барабанная дробь в пустом зале. Оно отдавалось в висках, в ушах, в кончиках пальцев.

И мысли... Мысли ушли. Их место занял чистый, белый, оглушительный шум экстаза. Время перестало течь. Оно рассыпалось на бесконечные, самодостаточные моменты. Я мог часами — секундами? — смотреть на трещину в штукатурке, и она разворачивалась передо мной целой вселенной, галактикой из мельчайшей пыли. Я был центром этой вселенной.

А потом вихрь стал слишком сильным. Удовольствие перешло в неконтролируемую дрожь. Челюсть свело судорогой, зубы стучали. Руки сами по себе дёргались, ноги не слушались. Белый шум в голове превратился в пронзительный, скулящий визг. Страх. Гольный, животный страх вернулся, но не как мысль, а как физическое ощущение — будто кто-то вырвал у меня из груди всё нутро и оставил пустую, зияющую полость, которая вот-вот схлопнется. Я попытался встать, но мир накренился на 90 градусов. Пол стал стеной. Я упал. Или полетел. Больше я ничего не помнил.

Я проснулся от холода. Ледяного, пронизывающего до костей. Я лежал в воде. Мутной, холодной воде в старой чугунной ванне нашей комнаты. Я был одет. Вся одежда — мокрая, тяжёлая, прилипла к телу. Голова раскалывалась на части, каждый удар пульса отзывался взрывом боли за глазами. Во рту — вкус рвоты, химической горечи и страха.

Я с трудом вылез из ванны, поскользнулся на кафеле и рухнул на пол. В комнате было пусто. Святова койка была пуста, одеяло скомкано. На часах, валявшихся на полу, показывало без пятнадцати шесть. Через 45 минут на смену.

Я сидел на холодном линолеуме, трясясь от холода и ломки, которая уже начинала скручивать мышцы. Внутри была пустота, выжженная химическим пожаром. И стыд. Стыд, который был уже не эмоцией, а физической грязью на коже.

И тогда он вернулся. Внутренний голос. Он не ликовал больше. Он звучал спокойно, почти деловито.

Ну вот. Видишь? Ты летал. Ты падал. И ты выжил. Теперь ты знаешь, где дно. Или думаешь, что знаешь. На самом деле, оно ещё глубже.

Я молчал, смотря на свои дрожащие, синеватые от холода руки.

Хватит ныть. Вставай. Ты промок, ты отравлен, и через час тебе стоять с подносом в «Шёлковом пути». Но это не главное. Главное — ты перешёл черту. Обратной дороги нет. Осталось только идти вперёд.

Он сделал паузу, будто наслаждаясь эффектом.

И для начала... нам нужно к тёлкам. К Маше и Ксюше. Они должны видеть. Видеть, кто ты теперь. Не рыцарь. Не тень. А нечто большее. Или меньшее. Не важно. Главное — они должны видеть.

Глава 16 | Тень на кухне

Смена тянулась медленно. Каждая минута в «Шёлковом пути» была похожа на предыдущую: скользкие тарелки в руках, вежливые кивки, шаблонные фразы. Тело выполняло свою работу, но внутри была пустота — не тихая, а гулкая, звонкая, как опустевшая консервная банка после химического шторма.

Прошло уже больше недели с той ночи. С «крыльями», ванной, ледяным пробуждением и приказом внутреннего голоса идти «к тёлкам». Я не пошёл. Стыд был сильнее. И страх. Страх увидеть в их глазах — особенно в её, в этих выразительных, сканирующих глазах — не просто насмешку, а настоящее отвращение. Увидеть и узнать себя их глазами.

Вместо этого я зарылся в работу как крот. Старался быть идеальной тенью: быстрой, незаметной, безликой. Даже со Святом говорил мало. Между нами висело невысказанное, тяжёлое, как мокрая шинель. Он видел, во что я превратился той ночью. Видел и, кажется, испугался не за меня, а меня. Того, кто смотрел на мир стеклянными глазами Макса и ликовал в химическом вихре.

Перерыв между обедом и ужином. Я, как обычно, поплёлся на кухню — не есть, а просто стоять у раковины, смотреть в окно на серый двор и слушать грохот котлов. Там, у стола для нарезки, возился Валя.

Мы иногда перебрасывались парой слов. Он был... другим. Не таким выжженным. В его движениях была не суета, а уверенность. Взгляд — не бегающий и не стеклянный, а спокойный, сфокусированный на деле. Сегодня он разделявал тушу говядины. Длинный, острый нож в его руках двигался легко, почти по-ласковому, точно следуя за линиями мышц и сухожилий. Это был не просто рабочий процесс, это было что-то вроде ритуала.

— Неплохо, — хрипло сказал я, наблюдая, как он одним точным движением отделяет кость. — хорошо идёшь.

Валя взглянул на меня, кивнул. Не улыбнулся, но в глазах мелькнуло что-то вроде понимания.

— Отец учил, — просто ответил он, вытирая руки о фартук. — Говорил, мясо — оно живое. К нему с уважением надо. И нож точить не когда тупится, а каждый день, перед сменой. Как молитва.

Он помолчал, отложил нож, взял губку.

— Я тут, знаешь, не от хорошей жизни, — неожиданно продолжил он тише, будто доверяя секрет не мне, а тихому гулу кухни. — Сердце пошаливать стало. Врачи сказали: или меняешь всё, или готовь таблетки глотать до гробовой. А я... я не хочу быть на таблетках. Завязал со всем. С сигаретой, с бухлом, с ночными клубами. Сюда устроился — воздух, море, режим. Тут можно просто работать. Быть собой. Не тем, кем тебя вынуждают быть долги, люди или... эта дрянь.

Он не смотрел на меня, вытирая стол, но каждое слово падало в тишину между нами, как камень в колодезь.

Быть собой. А кто ты, «себя»?

Я ничего не ответил. Просто стоял, чувствуя, как его слова, обнажают всю пошлость моего «бунта». Его борьба была за жизнь. Моя — за право эту жизнь уничтожить поинтереснее.

В этот момент из главного зала донесся приглушённый гул голосов и звон посуды. Дверь на кухню приоткрылась, и в проёме на секунду мелькнула фигура в красной кофте. Стройная, с аккуратно убранными волосами. Она что-то говорила, повернувшись к кому-то в зале, и её профиль, острый и чистый, на миг был освещён светом из окна.

Ксюша.

Что-то внутри сжалось в ледяной ком. Не стыд, не желание. Паника. Чистая, животная паника. Я рванулся с места, как загнанный зверь, и юркнул в подсобку — тёмную, узкую комнатушку с мётлами и запахом хлорки. Прижался спиной к холодной стене, слушая, как сердце колотится о рёбра.

Трус. Жалкий трус. Она же даже не видела тебя.

Но я стоял там, в темноте, пока звуки с кухни не утихли. Пока не понял, что она ушла. Потом медленно, ощупывая стены, как слепой, выбрался обратно. Вали на кухне уже не было.

Неделя растворилась в однообразной, тягучей массе дней. Я стал мастером избегания. Избегал Макса с его блестящими глазами. Избегал Вали — его спокойная сила стала мне невыносима. Избегал Свята, в молчании которого читался немой вопрос: «Ну что, докопался до дна?». И, конечно, избегал их. Девчонок. Их тёплой комнаты, запаха полевых цветов и того взгляда, который мог одним движением ресниц раздеть душу до нитки.

Но избегать самого себя не получалось. Внутренний голос не умолкал. Он стал тише, но настойчивее, как капающая из крана вода.

Хватит прятаться. Ты прошёл обряд посвящения. Теперь нужно заявить о себе. Не здесь, среди кастрюль. Там. В их мире. Или ты хочешь до пенсии мыть посуду и бояться собственной тени.

Вечер. После ужина. Мы с Святом лежали в нашей капсуле 315. Тишина между нами была густой, почти осязаемой.

— Пойдём к девчонкам, — вдруг, не глядя на меня, сказал Свят. Голос у него был усталый, но в нём пробивалась какая-то решимость, будто он принял решение не для меня, а для себя. — Машка звала. Говорит, они телефон с музыкой пронесли. Послушаем. Просто посидим.

Я знал, что это не просто «посидим». Это была проверка. Для него. Для меня. Для всех. После той ночи мы ни разу не пересекались все вместе. Это был шанс — или вернуться к какому-то подобию нормы, или окончательно закрепить за собой роль того, кто «испортился».

Иди. Покажи им. Покажи, что их шампанское и розы — это детские игрушки. Что ты видел настоящее пламя. Пусть увидят пепел в твоих глазах.

— Ладно, — выдавил я, чувствуя, как органы сжимаются в комок.

Мы встали, натянули поверх формы толстовки. Выглядели, как всегда, — помято, бедно, чуждо тому уюту, в который шли.

Я открыл дверь. И замер.

На пороге, подняв руку для стука, стояла Саша. Длинные тёмные волосы, мягкое, сейчас удивлённое лицо. В её больших, спокойных глазах отразились мы оба — Свят за моей спиной и я, застывший в нелепой позе.

Она опустила руку. Лёгкая, смущённая улыбка тронула её губ.

— О, — сказала она тихо. — А я... я как раз к вам. Хотела спросить... вы к нам?

Она стояла на пороге нашего мира — мира затхлости, стыда и химического послевкусия. И в её простом вопросе, в её взгляде, не было ни насмешки, ни страха. Было лишь тихое, почти неловкое ожидание.

Мы стояли друг напротив друга в полумраке коридора: они — из мира тепла и роз, мы — из мира льда и пепла. И узкая щель между нами в этот миг казалась глубже и страшнее, чем весь Чёртов забор по периметру санатория.

Глава 17 | Возвращение в тёплую комнату

Дверь в 310-ю открылась, и нас впустил внутрь всё тот же тёплый, сладковатый воздух, пахнувший полевыми цветами и чем-то домашним. Ничего не изменилось с того утра, как когда я сбежал отсюда. Тот же вишнёвый плед на сдвинутых кроватях, те же постера на стенах, та же вазочка с увядшими, но всё ещё хранящими аромат, цветами на тумбочке. Всё было так знакомо, что на секунду перехватило дыхание — будто время здесь застыло, специально дожидаясь моего возвращения.

Маша сидела на краю кровати у стола, доедая йогурт из пластикового стаканчика. Она подняла на нас глаза, улыбнулась той же открытой, по-домашнему тёплой улыбкой и кивнула в сторону балкона. Там, в распахнутой двери, стояла Ксюша. Стройный силуэт на фоне тёмного неба, тонкая струйка дыма, поднимающаяся от её руки. Она курила, глядя куда-то вдаль, на редкие огоньки посёлка и тёмную полосу моря. Казалось, она не заметила нашего прихода.

Саша, уже войдя, легко скинула лёгкую куртку и жестом пригласила нас располагаться. «Проходите, не стойте», — сказала она тихо, и в её голосе не было ни намёка на ту неловкость, что висела между нами в коридоре. Свят прошёл первым, с привычной уже полуухмылкой, кивнул Маше и пристроился на стуле. Я зашёл последним. Дверь закрылась за мной с тихим щелчком, отсекая коридор с его запахами пыли и тоски. Закрывшись здесь, внутри этой тёплой норки.

Я сел туда же, где сидел в прошлый раз — на край свободной койки, рядом с тумбочкой. Точно так же, как тогда. Только теперь не было ни джина, ни шампанского, ни того пьяного, ломкого веселья. Была просто комната, тихий вечер и три девушки, жизнь которых казалась такой же хрупкой и временной, как и наша, но почему-то устроенной с бесконечно большим вкусом к мелочам.

Разговор завязался сам собой — о работе, о глупом шеф-поваре, который сегодня снова кричал из-за пересоленного супа, о том, как кто-то из администрации чуть не застучал кого-то с сигаретой у служебного входа. Говорили в основном Маша и Саша. Свят вставлял реплики, хрипло посмеиваясь. Я молчал. Сидел и слушал, ощущая себя невидимкой, призраком, случайно зашедшим в чужой сон. Моё тело было здесь, на краю кровати, но сам я словно оставался снаружи, за той дверью, наблюдая за этой сценой через толстое, слегка мутное стекло.

И вот дверь балкона скрипнула. Ксюша зашла внутрь, стряхнула пепел с кончика сигареты в жестяную банку на подоконнике и потушила её. Она прошла через комнату, её светлые волосы слегка растрепал ветер с балкона. Ни на кого не глядя, она подошла ко второй кровати — той, что была ближе к окну, и легла. Не на свою половину, а прямо посередине, протянув ноги. Потом взяла одну из подушек, ту, что лежала ближе ко мне, и, не глядя, пододвинула её в мою сторону. И сама переместилась, устроившись так, что её плечо оказалось в сантиметре от моего бедра. Она легла на бок, глядя на ребят, и я почувствовал исходящее от неё тепло и лёгкий запах табака, смешанный с чем-то свежим, травянистым — может, шампунем?

Затем она повернула голову. Её выразительные, светлые глаза встретились с моими. И она тихо, так тихо, что слова, казалось, были предназначены только для меня, прошептала, чуть тронув уголком губ.

— Вот и мой защитник.

Я улыбнулся. Непроизвольно, против воли. Уголки губ дрогнули и потянулись вверх сами, будто её слова были ключом, повернувшем какую-то давно заржавевшую внутреннюю шестерёнку.

И в этот момент я осознал — голос исчез.

Тот внутренний монолог, что безостановочно комментировал, подначивал, издевался, соблазнял — он стих. Не просто притих, а испарился. Осталась только тишина. Глубокая, непривычная, почти оглушительная своей пустотой. В голове не осталось ни одной чужой мысли. Только ощущение тепла от её плеча, запах цветов в комнате, приглушённый смех Саши и спокойный голос Маши.

Он боится её. Промелькнуло где-то на самом дне, уже моя собственная, тихая догадка. Он боится этого простого, человеческого тепла. В нём нет места для его химического цирка.

Ксюша не отводила взгляда. Она просто смотрела, и в её взгляде не было ни насмешки, ни вызова, которые я читал там раньше. Было спокойное, почти усталое любопытство. Как будто она видела не того жалкого «рыцаря» или потерянного наркомана, а просто человека, сидящего на краю её кровати.

— Ну что, все молчим как на исповеди? — раздался голос Маши. — Давайте лучше рассказывать что-нибудь. О чём думаем. О чём мечтаем. Или о прошлом. У всех тут прошлое интересно

Свят фыркнул, но согласился. Он начал первым — что-то про свою деревню, про то, как в детстве ловил раков в речке. Рассказ был немногословным, с паузами, но в нём не было привычного ему надрыва. Маша рассказала про свою бабушку в Воронеже и её легендарные пироги с вишней. Саша тихо говорила о море в Сочи, где бывала ребёнком, и о том, что вода там была «как парное молоко», а не ледяная, как здесь.

Потом наступила моя очередь. Я молчал, не зная, что сказать. Про свою кухню? Про часы 4:08 на будильнике? Про питбайк, который теперь ржавеет где-то в гараже? Всё это казалось таким далёким и ненастоящим по сравнению с их простыми, земными историями.

— А тебя как друзья называли? — неожиданно спросила Саша, обрывая затянувшуюся паузу. Она смотрела на меня своими большими, спокойными глазами. — Ну, знаешь, у всех же какие-то клички, прозвища были. Или вообще расскажи о себе. Хоть что-то.

Все взгляды обратились ко мне. Свят смотрел сбоку, в его глазах мелькнуло что-то вроде тревоги — он знал, какой это болезненный вопрос. Маша ждала, слегка склонив голову набок. А Ксюша она по-прежнему лежала, глядя на меня снизу вверх, и её взгляд был теперь абсолютно серьёзным.

Я открыл рот. Попытался что-то сказать. Но слов не было. Вообще не было. Я рылся в памяти, в том пустынном пространстве, что раньше было заполнено голосами, стыдом, болью, химическим туманом. И ничего. Ни одного прозвища. Ни одной истории, которую хотелось бы рассказать. Был только долгий, однообразный сон под названием «жизнь», и в нём у меня не было даже имени. Я был функцией. Поваром. Официантом. Тенью. Пациентом химического эксперимента. А потом — просто телом, сидящим на краю кровати в чужой, тёплой комнате.

Неловкая тишина повисла в воздухе, стала густой и тяжёлой. Она давила на уши, звенела в висках. Я видел, как Маша переглянулась с Сашей. Видел, как Свят опустил глаза. А Ксюша она не отвела взгляда. Она просто смотрела. И в её молчаливом, внимательном взгляде не было ни жалости, ни разочарования. Было лишь понимание. Понимание той пустоты, которую я вдруг обнаружил в себе вместо прошлого, вместо имени, вместо «себя».

Глава 18 | Откровение под стопку

Тишина повисла тяжёлой, неловкой тканью. Её порвала Ксюша. Она резко подорвалась с кровати, как будто её ударило током. Её движения были чёткими, без лишней суеты. Она наклонилась, достала из-под своей кровати, из какой-то сумки, квадратную бутылку «Барристера». Золотистая жидкость внутри плескалась, ловя отсветы лампы. Она поставила её на тумбочку с глухим стуком.

— Я придержала нам на такой случай, — сказала она просто, без улыбки, глядя на нас.

Потом она потянулась на полку над кроватью и достала оттуда не пластиковые стаканчики, и не хрустальные бокалы, а три знакомые гранёные стопки — советские, с матовыми гранями, тяжёлые. Поставила их рядом с бутылкой. Ритуал был знакомым, почти домашним, но в её спокойствии чувствовалась стальная пружина.

Саша первая нарушила новый, внезапно возникший порядок. Она медленно поднялась, поправила складки на своей кофты.

— Я я лучше пойду, — сказала она тихо, но твёрдо. Её спокойные глаза обвели нас всех — Свята, Машу, меня, задержались на бутылке. — Будет лучше, если я пойду отдыхать, ещё завтра на смену.

Никто не стал её удерживать. Маша кивнула, с лёгкой грустью в уголках губ. Свят лишь опустил взгляд. Саша накинула куртку, молча вышла, закрыв дверь беззвучно, будто и не было её здесь.

Теперь нас было четверо. Бутылка и три стопки на тумбочке смотрелись как обвинительный акт. Или приглашение. Ксюша разлила джин. Звук льющейся жидкости был громким в новой тишине. Она протянула стопку Святу, вторую — Маше. Третью взяла сама. Последней, после секундной паузы, она налила и мне, прямо в руки, будто зная, что я не откажусь.

Мы выпили. Огненная волна прокатилась по горлу, разлилась теплом внутри, смывая остатки неловкости, страха, стыда. Джин был тем же, что и тогда, но на вкус — другим. Не горьким побегом, а горькой правдой.

И правда пошла наружу. Может, от джина, а может, от этого взгляда Ксюши, который больше не сканировал, а просто ждал.

— Я учился на отличника, — начал я, и голос прозвучал хрипло, непривычно. Я смотрел не на них, а на золотистую лужу на дне своей стопки. — В школе, потом в колледже. Думал, всё по честному. Институт на физика. Там и началось. Места на бюджет брали не по знаниям, а по кошельку или по звонку. Маленькие сынки, которые на экзамене даже не знали элементарного. А я я с золотой медалью и руками, был вынужден идти куда-нибудь, хоть в пищевой. На повара выучился почти что из-под палки. Не потому что хотел. А потому что это было единственное, что оставалось, когда все «честные» пути оказались заколочены.

Я замолчал. Выпил оставшийся в стопке джин до дна. Ожог был уже привычным, почти родным.

— Потом была армия, — продолжил я. Говорить стало легче, будто слова копились годами и теперь хлынули наружу под давлением этого вечера, этой тишины, этого джина. — Вернулся. Двадцать два. Родители они ждали, что я вернусь героем или хоть с деньгами. А я

вернулся с пустыми карманами и с той же самой профессией, на которую они смотрели свысока. Жить с ними стало стыдно. Невыносимо стыдно. Каждый их взгляд, каждый вопрос: «Ну что, как успехи?» — был как нож. Я собрал вещи в один вечер и сбежал. Снимал конуру, работал на трёх работах. Чтобы только не видеть этого разочарования в их глазах. Чтобы не чувствовать себя вечным ребёнком на их шее. После, я ни разу им не позвонил.

Тишина повисла в воздухе.

Ксюша молча долила мне. И себе, и ребятам.. Её движения были точными, почти механическими.

Свят поднял голову. В его глазах не было ни жалости, ни удивления. Было понимание. Своего рода братство тех, кто тоже бежал — от долгов, от себя, от прошлого.

— Бля, — тихо выдохнул он. — А я думал, у меня одного тараканы.

Маша улыбнулась грустно, провела рукой по вишнёвому пледу.

— У всех они тут есть, — сказала она. — Просто у кого-то — тихие, а у кого-то

Мы выпили ещё. Разговор потек уже свободнее, но как-то приглушённо, будто мы боялись спугнуть ту хрупкую откровенность, что возникла между нами. Говорили о мелочах, о работе, о море. Но под всем этим текло то главное — признание, что мы все сломаны, все беглецы, и в этом мы, на удивление, не одиноки.

Потом Свят взглянул на часы, хрипло кашлянул.

— Нам, наверное, пора, — сказал он, кивнув в сторону Маши. — Дежурство утром раннее. А вы — его взгляд скользнул между мной и Ксюшей, — побудете. Поговорите еще.

Он встал. Маша тоже поднялась, накинула на плечи лёгкую кофту. Они обменялись со мной кивками — без лишних слов, но с каким-то новым, молчаливым уважением. Потом вышли, оставив дверь приоткрытой, будто давая шанс передумать и уйти следом.

Но я не ушёл. Дверь тихо захлопнулась сама, от сквозняка.

Я остался один на один с Ксюшей. И с почти допитой бутылкой джина на тумбочке.

Она откинулась на подушки, запрокинув голову, и смотрела в потолок. Свет лампы падал на её горло, на острые ключицы, вырисовывал тени под скулами. Она была прекрасной и абсолютно недостижимой, как холодная планета в чёрном небе.

— Защитник, — повторила она шёпотом, не глядя на меня. — А сам от себя сбежал. Иронично.

Я не ответил. Просто смотрел на неё, чувствуя, как джин медленно размывает границы, стирает страх. Внутренний голос молчал. На его месте была только тишина и это жгучее, неловкое любопытств

Она повернула голову. Её глаза в полумраке казались совсем светлыми, почти прозрачными.

— Ну что, — сказала она. — Рассказал про побитые крылья. А про то, что сломал их сам, будешь рассказывать?

Её слова не были ударом. Они были констатацией. И в них не было злости. Было лишь холодное, беспощадное понимание.

И я понял, что именно этого я и боялся всё это время. Не насмешки, не отвращения. А того, что кто-то увидит эту простую, пошлую правду: все свои клетки я построил себе сам. И все попытки вырваться — всего лишь бег по кругу внутри них.

Я потянулся к бутылке. Долил себе. И ей. Наши пальцы не соприкоснулись.

— Может, и буду, — хрипло сказал я, поднимая стопку. — Но не сегодня. Сегодня сегодня уже достаточно откровений.

Она усмехнулась — впервые за этот вечер по-настоящему, уголком рта. И чокнулась со мной краем своей стопки.

— На здоровье, — прошептала она. — Мой павший рыцарь.

И мы выпили. После чего я лег рядом с ней.

Глава 19 | Его улыбка на берегу

Свет был тусклым, жёлтым, вырезающим из темноты лишь острые углы тумбочки, изгиб её плеча под одеялом и прядь светлых волос на подушке. Она спала. Дышала ровно, почти беззвучно. Моя рука всё ещё лежала на её бедре, чувствуя через ткань хлопкового белья тепло кожи и лёгкий ритм дыхания. Я натянул одеяло повыше, укрыл её до подбородка, потом накинул оставшийся край на себя. Желание было простым, почти детским — укрыть её. От чего? От ночного холода, подбирающегося с балкона? От этого мира за стенами комнаты? От меня самого?

Что-то в голове ёкнуло. Не мысль, а физический щелчок, будто шестерёнка, десятилетиями заржавевшая намертво, вдруг дрогнула и сдвинулась на один зуб. От этого щелчка стало и страшно, и странно спокойно. Я лежал неподвижно, боясь пошевелиться, чтобы не разбудить этот хрупкий, новый механизм внутри и не разбудить её.

Уснул я только под утро, когда за окном посветлело и крики чаек стали сливаться с предрассветным шумом волн.

Рабочий день в «Шёлковом пути» прошёл как в аквариуме. Звуки — приглушённые, движения — замедленные, лица постояльцев — размытые, незначительные пятна цвета. Я выполнял всё на автомате, но внутри не было привычного гула отчаяния или звенящей пустоты. Была тишина. Та самая, что началась вчера вечером. Она была хрупкой, как тонкий лёд, и я боялся наступить слишком сильно, провалиться обратно в старый шум.

После смены я не пошёл в корпус. Понесло к морю. Не к нашему дикому участку с галькой, а к парадной набережной — длинной бетонной ленте с фонарями и скамейками, куда в сезон выходили отдыхающие, а сейчас, в межсезонье, она была пустынна и ветрена.

И там, на самой дальней скамейке, у того места, где бетон обрывался в тёмную воду, сидел он.

Макс.

Один. Без Лехи. Это было странно — видеть его без тени, без молчаливого спутника. Он сидел, сгорбившись, в той же чёрной футболке, несмотря на вечерний холод. Руки были засунуты в карманы, взгляд уставлен в одну точку на горизонте, где последняя полоса заката медленно тонула в свинцовой воде.

Я почти было развернулся, чтобы уйти. Но он, словно почувствовав моё присутствие, повернул голову. Его лицо при свете фонаря казалось ещё более измождённым, серым. Глаза не блестели диким огнём. Они были тусклыми, усталыми, почти человеческими.

—Садись, — сказал он просто, без привычной хриплой издевки.

Я сел. На другом конце скамейки. Между нами легла дистанция в меньше чем два метра и целая вселенная опыта.

Мы молчали. Слушали, как волны бьются о бетонные сваи — глухие, тяжёлые удары. Воздух пах солью, водорослями и холодным металлом.

— Знаешь, — начал Макс, не глядя на меня. Голос его был тихим, ровным, почти задумчивым. — Я давно уже на этом. Сначала за компанию, потом — чтобы забыться, потом — потому что без этого уже не мог. Думал, кайф — это когда тебя рвёт в космос, когда мир взры-

ваются красками. А потом понял, что самый крутой кайф — это вот. Сидишь. И тебе просто... спокойно. Ничего не хочется. Ничего не болит. Ни внутри, ни снаружи. Море шумит, и ты шумишь вместе с ним, а потом затихаешь. И всё.

Он помолчал, достал из кармана смятую пачку, прикурил. Дым смешался с морским туманом.

— Леху вчера забрали, — сказал он вдруг, как бы между делом. — Служба безопасности. Нашли шприц. Неудачно спрятал. Отчислили, конечно. Куда — не знаю. Меня, видимо, пока щадят. Или ждут, когда сам налажаю.

В его словах не было ни страха, ни сожаления. Была та самая, только что описанная, мёртвая, химическая спокойствиность.

Потом он повернулся ко мне. Его тусклый взгляд скользнул по моему лицу, остановился где-то на уровне глаз.

— А ты, я смотрю, подобрел. Глаза не бегают. — Он усмехнулся одним уголком рта. — Баба, что ли, лечит?

Я не ответил.

— Ну ладно, — Макс махнул рукой, будто отгоняя моё молчание. — Дело твоё. Кстати, у меня есть кое-что новенькое. Не та дрянь, что раньше. Чище. Энергия, братан. Соль. Хочешь? Пряма тут, на свежем воздухе, попробуем. Как два нормальных человека, у моря поболтаем.

Он достал из внутреннего кармана куртки маленький, прозрачный пакетик. В нём был белый порошок. Он положил его на ладонь, протянул в мою сторону, не настаивая, просто предлагая. Как конфету.

И внутри меня проснулось оно.

Да! Да! Да! Хочу! Это же новое! Это же энергия! Это выбьет нафиг эту слюнявую спокойность! Вернёт всё на круги своя — огонь, вихрь, падение!

Не голос. Не мысль. А физическая, животная противоположность той тишине, что была во мне. Она взорвалась ликующим, жадным визгом. Оно билось в клетке рёбер, требовало, умоляло, обещало рай.

Я смотрел на пакетик. На белый порошок, сверкавший под светом фонаря, как морозный иней. Смотрел на руку Макса — крупную, с проступающими венами, твёрдую и уверенную. А потом поднял взгляд на его лицо. На эти усталые, тусклые, мёртвые глаза, которые искали спокойствия у моря, но нашли только химическую имитацию тишины.

— Нет, — сказал я. Просто. Тихо. Без пафоса.

Слово повисло в воздухе. Оно внутри завывало от ярости и разочарования, стало биться о стенки черепа, как пойманная птица.

Трус! Идиот! Это же свобода! Это же побег!

Макс не удивился. Он медленно, с какой-то церемонной почтительностью, убрал пакетик обратно в карман. Кивнул.

— Ну и правильно. Говорят, гадость редкостная. Руинит всё нафиг. — Он снова усмехнулся, но в этой усмешке уже не было издевки. Была странная, почти братская грусть. — Держись, братан, раз начал держаться. Тут, бля, либо держись, либо летишь. Третьего не дано.

Он встал, потянулся, кости хрустнули. Постоял ещё секунду, глядя на тёмную воду.

— Ладно, я пошёл. Ещё есть дела. — Он хлопнул меня по плечу — не сильно, почти по-дружески. — Береги себя, защитник.

И ушёл. Его фигура быстро растворилась в вечерних сумерках, за фонарями.

Я остался один. Оно внутри ещё бушевало, но уже тише, переходя на злобное шипение. Я сидел и смотрел, как последние отсветы заката гаснут в воде. Слушал, как море, неумолимое и вечное, продолжает биться о бетон. Оно не судило, не ждало, не требовало. Оно просто было.

Я не чувствовал победы. Не чувствовал силы. Чувствовал только усталость и холодный бетон под собой. И тишину, которая, кажется, выдержала свой первый, самый важный бой. Она была потрёпанной, но целой.

А ещё я чувствовал, как где-то там, в корпусе, в комнате 310, под вишнёвым пледом, лежит девушка с выразительными глазами. И от этой мысли становилось не тепло. Становилось... тихо. И этого пока что хватало.

Я поднялся и пошёл обратно, к жёлтым огням санатория, навстречу новому дню, новой смене, новой схватке с тем, что кричало внутри.

Глава 20 | Праздник для двоих

Внутренний голос орал. Не просто бубнил — он выл, как раненый зверь в тесной клетке, всю ночь и всё утро, пока я, наконец, не открыл глаза. На часах было уже два. Выходной. Свет бил в окно, пыльный и беспощадный. Голова гудела не от похмелья, а от похмелья сознания — тяжёлого, токсичного, как после той дозы у Макса, только без химического отсвета. Просто чистая, концентрированная ярость на самого себя.

Ну что, герой? Отказался? От белого порошка, от чистого полёта, от настоящего огня? Ради чего? Ради этой серости? Ради этого потолка с трещиной? Ради ощущения, что ты «молодец»? Ты — смешной. Ты отдал ключ от рая за горсть тухлой соли с этого берега.

Я встал, не ответив. Плелся на кухню-нишу в коридоре, разогрел вчерашнюю кашу из общего котла — холодную, жирную, безвкусную. Ел стоя, у окна, глядя на пустынный двор, где ветер гонял бумажку по асфальту. Мысли возвращались к соли. К тому пакету на ладони Макса. Кристаллы, похожие на иней. На энергию. На правду.

Правда в том, что ты трус. Ты боишься настоящего падения. Ты предпочитаешь это мелкое, ежедневное барахтанье в луже собственной тоски. Соль выжгла бы эту лужу дотла. Оставила бы только чистый, холодный пепел. И в нём — покой.

«Нет покоя», — подумал я, моя ложка звякнула о дно тарелки. «Там только шум. Другой шум».

А здесь какой шум? Шум твоего ничтожества. Шуршание мыслей о Ксюше. О её тепле под одеялом. Это не жизнь. Это суррогат. Ты променял химический рай на дешёвый суррогат человеческого тепла, которое ей, впрочем, на тебя наплевать. Она просто пригрела случайного пса. А ты виляешь хвостом.

Образ всплыл сам: её лицо в полумраке, прядь волос на подушке, тихое дыхание. И странно — ярость внутри на секунду схлынула, сменившись чем-то тягучим и тихим. Не счастьем. Не даже надеждой. Просто... паузой. Моментом, когда внутренний вой стих.

Вот видишь. Она — твой новый наркотик. Более слабый. Менее эффективный. Но ты уже на крючке.

Я вымыл тарелку. Весь день прошёл в этом раздрае. Я лежал, ходил по комнате, выходил на балкон — курить, хотя от сигарет тошнило. Свят куда-то пропал — то ли к Маше, то ли просто бродил. Я был один на один с этим ревом внутри и с этой новой, хрупкой тишиной, которая пробивалась сквозь него, стоило только вспомнить о ней.

День умер медленно, растворившись в серых сумерках. Ничего не произошло. Ничего не изменилось. Тухлое, как протухшая рыба, время.

Следующий день, смена в «Шёлковом пути», была такой же, как и все предыдущие. Тарелки, поклоны, безликие лица. Но к концу, когда гости разошлись и началась уборка, старшая по этажу — суровая женщина с лицом бухгалтера — подозвала меня.

— Ты сегодня останешься на подзакрытие. С Анной Викторовной, — сказала она, не глядя в глаза. — Проверишь кухню, свет, замки. Справишься?

Это была не просьба, а приказ. Наказание за что-то? Или просто очередь выпала. Я кивнул.

Так я и остался. После того как последние официантки, хихикая, сбежали в корпус, после того как повара, гремя посудой, ушли через чёрный ход. В огромном, теперь пустом и тёмном зале «Шёлковый путь» остались я, администратор Анна Викторовна (которая устроилась в своём кабинете с бумагами) и тишина. Тишина, нарушаемая лишь гулом холодильников на кухне и скрипом моей собственной формы, пока я обходил столы, проверял, не забыли ли где нож, не оставили ли включённой духовке.

Я уже почти закончил в главном зале, собираясь идти на кухню, когда услышал лёгкие, быстрые шаги. Не тяжёлые сапоги администратора. И не мои.

Из тёмного проёма служебного коридора, ведущего в женскую часть персонала, вышла она.

Ксюша.

Но не та, которую я видел последние дни — замкнутую, отстранённую, курящую на балконе. Она была... другой. Волосы, обычно аккуратно убранные, сейчас были слегка растрёпаны, на щеках играл румянец. Глаза — эти выразительные, светлые глаза — горели. Не химическим блеском, а живым, почти озорным огнём. Она шла быстро, почти бежала, и в руках у неё был не паспорт и не ключи, а... её маленькая сумочка, которую она сжимала так, будто в ней была добыча.

Она увидела меня, остановилась, и её лицо расплылось в широкой, открытой улыбке. Улыбке, которую я видел, кажется, впервые.

— О, ты как раз тут! — выдохнула она, подбегая ближе. От неё пахло морским ветром, духами и чем-то сладковатым, может, газировкой.

— Закрываюсь, — пробормотал я, ошеломлённый её энергией.

— Отлично! — она схватила меня за рукав формы. Её пальцы были тёплыми. — Слушай, у меня идея. Гениальная.

Она оглянулась на дверь кабинета администратора, приложила палец к губам и потянула меня в сторону, в тень между шкафом с посудой и стеной.

— Анна Викторовна там до ночи будет с отчётами, — прошептала она, и её шёпот был весёлым, сдавленным смехом. — А у меня... у меня сегодня настроение. Такое, понимаешь? Хочется... живого. Не этого затхлого воздуха. Не этой скуки.

Она приоткрыла сумочку. Там, среди обычных женских мелочей, лежала пачка денег — не толстая, но и не маленькая.

— Я продежурила у девочек из прачечной, — тараторила она, не выпуская мой рукав. — Они знают одного мужика в посёлке, у него можно взять хорошего вина. Не эту бормотуху. Настоящего. И закуски.

Я смотрел на неё, не понимая. Она была как с цепи сорвалась. Прежняя Ксюша — холодная, наблюдательная, ироничная — куда-то испарилась. Осталась вот эта девчонка с горящими глазами, предлагающая побег.

— Ты о чём? — спросил я тупя.

— О побеге, глупый! — она легонько толкнула меня в плечо. — Ну, на пару часов. Ты же закрываешь — ты можешь выйти, сказать, что пошёл проверить задний вход. А мы... мы ходим в посёлок. Купим всего. И вернёмся. Устроим... маленький праздник. У нас. В комнате. Только наши. Маша, Свят, может, ещё кто. Но без Макса, без этой всей... грязи. По-человечески. Ну как?

Она смотрела на меня, и в её взгляде была не только азартная искра. Была какая-то... просьба. Как будто ей было жизненно важно, чтобы я согласился. Чтобы не она одна несла этот взрыв энергии, а чтобы был кто-то рядом.

Внутри всё замерло. Вой стих. Мысли о соли, о Максе, о тухлой тоске дня — всё смялось и улетело куда-то. Осталось только её лицо, её рука на моем рукаве, её предложение, пахнущее не хлоркой и страхом, а вином, ночным воздухом и риском простого, почти детского нарушения правил.

Это было глупо. Безумно. Нас могли поймать. Могли выгнать. Анна Викторовна могла выйти в любой момент.

Но она смотрела на меня. И я не мог отказаться.

Не потому что был «рыцарем». Не потому что боялся. А потому что впервые за долгое время кто-то звал меня не в пропасть, а... на праздник. Пусть хрупкий, пусть опасный. Но на праздник.

— Ладно, — сказал я, и мои губы сами растянулись в ответную, неуверенную ухмылку. — Давай.

Её глаза вспыхнули ещё ярче. Она сжала мою руку.

— Через десять минут у заднего выхода со стороны котельной. Я знаю, где калитка не скрипит. Бери рюкзак.

И она, крадучись, как индеец, скользнула обратно в темноту коридора, оставив меня одного в огромном, тёмном зале, где пахло вчерашней едой и дорогим парфюмом.

Я стоял, прислушиваясь к стуку собственного сердца. Оно билось не от страха. Оно билось ровно и сильно, как мотор, который наконец-то завёлся после долгого простоя.

Гла

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.